

Таша Наж

Homo Animalis

Бремя славы

12+

Таша Наж

Ното Animalis. Бремя славы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Таша Наж

Номо Animalis. Бремя славы / Таша Наж — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5320-9873-2

К середине третьего миллениума древние города исчезли с лица земли. Место множеств занял один. Огромный, тянущий ввысь ветви-небоскребы, глубоко зарывшийся в недра туннелями метрополитена, мегаполис уничтожил все живое на планете, кроме Номо Futuris. Пытаясь сохранить память об утраченном богатстве, человечество породило одно из самых жестоких своих творений — Заповедник: место, где кучка добровольцев согласилась превращаться в животных и птиц на потеху праздной толпе. Годы шли. Заповедник рос. Поколения его обитателей сменялись поколениями, постепенно утрачивая память о жизни в Городе и своем истинном происхождении. Пока не появилась она...

ISBN 978-5-5320-9873-2

© Таша Наж, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Книга 1	10
Глава 1. Прайд	10
Глава 2. Охота	22
Глава 3. Из жизни белок	35
Глава 4. Незваная гостя	47
Глава 5. Рожденный ползать...	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Посвящается старшей из моих младших сестер.
Спасибо за то, что предложила мне попробовать написать книгу.

Пролог

– Да, мама..., – автоматически ответила Пиона. – Мы не собираемся улетать дальше Альфы, ты же знаешь... Да, вернемся через пару недель... Нет, у нас не холодно, Эрст все починил... Да, на этот раз точно.

Девушка поежилась в жестком кресле, сильнее прижав колени к груди, пытаясь сохранить остатки тепла. Из соседнего отсека слышалась приглушенная ругань младшего брата, уже второй час тщетно пытавшегося вернуть к жизни систему кондиционирования. Ругань становилась все громче, а температура на корабле все ниже. Нехотя вытащив окоченевшую руку из-под пледа, Пиона нажала кнопку на рабочем столе, закрыв дверь в каюту. Не хватало, чтобы мать что-то заподозрила. Достаточно, что видеосвязь не работала с самой Земли.

– Да, мама... И мы тебя... Обязательно позвоним, как только доберемся до Альфы. Нет, целовать Эрста я не буду, не маленький. Передай привет папе. Пока!

Раздался сигнал об окончании голосовой связи и в тот же момент открылась дверь, впуская Эрста вместе с потоком обжигающе горячего воздуха.

– Я починил! – гордо сказал он и сел в кресло напротив.

– Поздравляю! – угрюмо ответила Пиона, все еще ежась под пледом. – В следующий раз врать маме будешь сам.

– Ни за что. Мое дело – чинить. А врать – по твоей части.

Недолго думая, Пиона запустила в брата плюшевым бегемотом. Тот ловко поймал игрушку и бросил обратно.

– Ты плохо просматривала свои архивы. Бегемоты не летали! В отличие от птиц, – Эрст кивнул головой в сторону огромного трехмерного изображения голубя, которое занимало почти половину небольшой каюты, служившей Пионе кабинетом. – Я прав?

Девушка нахмурила брови, но ничего не ответила.

– Ладно, – немного помолчав, сказал Эрст, видя, что сестра не в настроении болтать. – Пойду еще раз проверю МАРВа. Надеюсь, на сей раз обойдется без неполадок. Приходи, как будешь готова.

С этими словами он вышел из каюты, оставив Пиону одну. Как только дверь закрылась, девушка перевела взгляд на голограмму. Эрст был прав. И в том, что бегемоты не летали. И в том, что она практически не продвинулась в своем расследовании.

Вот уже несколько месяцев она почти не спала, собирая и изучая информацию о Земле двадцать седьмого века. Данных было много. Даже чересчур. Только полезных среди них – как кредиток в кармане бедняка. Бесконечные заголовки статей, старые фотографии, кадры видеосъемок и голограммы впечатались в сознание так крепко, что даже закрыв глаза, девушка продолжала видеть их четко и детально.

С середины третьего миллениума биосферу Земли поглотила агрессивная ноосфера. Города, какими их помнили далекие предки Пионы, исчезли с лица планеты. Не стало мегаполисов, областных центров, поселков и деревень, некогда разбросанных по поверхности Земли, словно хлебные крошки для птиц на асфальте. Место множества занял один. У него не было названия. Город, просто Город. Огромный, тянущий высоко в небо многочисленные ветви-небоскребы, глубоко зарывшийся в недра туннелями метрополитена, словно корнями дико-вишнего растения, он заполнил собой всю планету.

Тотальная индустриализация привела к одному из самых трагических моментов в истории человечества. Из живых существ на планете, кроме Номо Futuris, уже к 2600 году остались только крысы и тараканы. Остальные виды не устояли перед натиском городов, а животные в зоопарках, не успели адаптироваться к стремительно ухудшающейся экологии. Цветы и трава остались лишь в городских квартирах, деревья и кустарники доживали свой век в особня-

ках миллионеров, вытесняемые новейшими разработками производителей «умных растений». Искусственные розы, кибернетические эвкалипты и электронные клумбы не только выглядели и пахли как настоящие, но и поддерживали в жилище комфортную температуру, следили за влажностью и ионизировали воздух.

Пиона посмотрела в самый центр голографической проекции, где светилась весьма показательная и в тоже время печальная запись – похороны последнего представителя вымирающей фауны – голубя по имени Счастливчик (судьба порой крайне цинично и даже жестоко шутит). Тридцатое марта две тысячи пятьсот девяносто восьмого года: миллионы людей провожают мертвую птицу в последний путь, миллиарды смотрят трансляцию в прямом эфире. Пожалуй, ни одно живое существо ни до, ни после этого дня не устаивалось подобных почестей.

Запись не зря занимала центральное место в голограмме. Одним из самых интересных материалов, которые оказались в распоряжении Пионы, оказалась стенограмма публичного заседания видных общественных деятелей, политиков и бизнесменов по случаю сотой годовщины смерти Счастливчика, обсуждавших очередное эгоистичное и жестокое изобретение человечества. Торжественные речи слишком пестрели фразами «во благо...» и «во имя...», чтобы идеи, высказанные в них, могли принести реальную пользу обществу, но, как обычно бывает, популизм перевесил жалкие потуги здравого смысла.

Заседание начиналось с очередного «во благо...» от представителя министерства образования и науки Города. Статный седовласый мужчина (каким он был в воображении Пионы, ведь видеоматериалов не сохранилось) выдвинул идею создания объекта, который люди прошлого могли бы назвать зоопарком, а люди будущего – местом встречи с утерянными богатствами природы.

И все в этой идее выглядело прекрасно, если бы не одно «но». Утерянными. Это слово стало ключевым в почти стерильном мире. Биоматериалы большинства видов канули в Лету, и история уже знала неудачные попытки их воссоздать. Обитатели Города захотели бы смотреть на настоящих животных и птиц, но никак не на генномодифицированных мутантов.

Биоморфы тоже были не в счет. Технологии шагнули так далеко, что любой выпускник профильного колледжа мог создать аппарат с центральным процессором вместо нервной системы. Механические животные выглядели полностью идентичными натуральным. Они не требовали особого ухода, не болели, не умирали, не проявляли агрессию, их не требовалось кормить. Электронные коты мурлыкали и ласкались, электронные тигры рычали и скалили зубы. Но никаким программам не удавалось воссоздать естественное поведение животных в природной среде, никакие искусственные материалы не выглядели похожими на натуральный мех. К тому же кибернетические собаки, кошки, попугайчики и черепашки пользовались устойчивой популярностью – так зачем идти в зоопарк, если можно посмотреть на интерактивного питомца у себя дома?

Казалось, на этом заседание можно было бы закрыть. Но нет! Неожиданно для всех выход из положения нашла представительница инициативной группы организаций по защите того, что осталось от первозданной окружающей среды (низенькая дама с водянистыми глазами и крупным, почти жабым, ртом, в воображении Пионы). Раз человек оказался единственным живым существом на планете, с лица которой сам же и стер других тварей Божьих, так ему и исправлять ситуацию. В прямом смысле этого слова. Было предложено разработать технологию, которая сможет трансформировать человеческое тело в отличную от человеческой форму, сохранив неизменным разум. Оставалось только воспроизвести звериный социум, но как раз эта задача не казалась невыполнимой.

Проект, получивший название «Назад к природе», набрал небывалую популярность за считанные недели. На волне всеобщего энтузиазма Мэрия согласилась выделить средства и, невзирая на тотальный дефицит жилого пространства, изыскала площадь для создания Зоопарка. Да-да, именно так, теперь с большой буквы «З».

Пространство в несколько гектаров очистили от построек и разделили на несколько климатических зон аппаратами для кондиционирования экологически чистого воздуха разной температуры и влажности. Над северной оконечностью нависла искусственная гора, увенчанная снежной шапкой, по южной словно прошлись утюгом. Зоопарк обзавелся даже небольшой рекой и каскадом мелких озер.

Дальше в дело вступили биологи и генетики. Из весьма скудной базы ДНК все же удалось выбрать достаточное количество эндемичных растений, чтобы создать джунгли и прерии, леса и тундру. По счастью почти все растения успешно пережили второе рождение и заплодоносили в положенный срок. Последними в Зоопарке появились главные действующие лица – добровольцы, прошедшие углубленные курсы по адаптации, зоопсихологии, зоолингвистике, основам биоценоза и социального поведения животных, вооруженные не только знаниями, но и уникальными научными разработками – трансфигурационными имплантатами, позволявшими силой мысли менять форму внешней оболочки.

Через два года после исторического заседания Зоопарк был готов открыть двери всем желающим. Теперь каждый мог за небольшую плату прийти сам или привести ребенка, чтобы посмотреть, как большой и красивый «настоящий» лев играет с котятами, послушать как «настоящая» птичка выводит на ветке высоченного дерева прекрасные трели, покрошить в пруд с «настоящими» золотыми рыбками купленный здесь же специальный корм. Посещаемость комплекса превысила все самые оптимистичные прогнозы.

Очень скоро Зоопарк стал работать круглосуточно. С «экспонатами» подписали контракты, по которым они обязались изображать из себя животных двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Достаточно быстро стало ясно, что работа «птички в клетке» превратилась в «билет в один конец» и добровольцы, задержавшиеся в проекте, рискуют остаться в нем навсегда. Однако поток желающих отрастить шерсть и когти не иссякал – возможность на долгие годы надежно обеспечить семью выглядела для многих слишком заманчиво.

Проект «Назад к природе» рос со скоростью молодых побегов бамбука, принося своим владельцам баснословные доходы. Но у популярности проявилась и оборотная сторона. Пропускная способность комплекса быстро перестала справляться с потоком посетителей. Клонированные растения чахли из-за приносимых извне бактерий и нарушения климатического баланса. Чах и энтузиазм добровольцев, вынужденных смотреть на праздную толпу, которая в отличие от них может в любой момент покинуть пределы Зоопарка.

Поэтому буквально через несколько лет комплекс закрыли для посетителей, создав закрытую биосистему. Зоопарк превратился в Заповедник. По всей площади установили камеры, трансляция велась круглосуточно. Ежедневно стали выходить передачи, в которых показывались самые интересные моменты из жизни «зверей». Таких рейтингов не имела ни одна передача за всю историю телевидения.

В комплексе начали рождаться дети. На них автоматически распространяли условия контракта, подписанного их родителями. С рождения им говорили, что они львы, соколы, дельфины (проект разжился к тому времени собственным небольшим морем), кобры, пингвины и так далее. В пять лет ребенок проходил первичную инициализацию (для этого в Заповеднике стали проводить специальный обряд, абсолютно бессмысленный по сути, но исполненный религиозного пафоса для «аборигенов»), получал трансфигурационный имплант и начинал обучение в «звериной школе». В двадцать лет подростки проходили видовой экзамен и, в случае успеха, могли считаться полноценными членами общества. Такой порядок вещей через пару десятилетий приобрел статус обычая. Провалить экзамен было невозможно, никого просто так из Заповедника не отпускали. Неудачнику давали возможность проявить себя в следующем году. И еще через год, в случае провала. И еще... Чем дольше молодой человек не мог пройти Испытания, тем ниже оказывался его социальный статус. А полные неудачники и неполноценные особи в какой-то момент просто исчезали без лишнего шума.

В свой срок первые поселенцы начали умирать, вместе с ними умирало и знание о большом мире, прежней жизни среди людей. Молодое поколение жителей Заповедника забыло, с чего все началось. А владельцы Проекта не спешили им напоминать. Дела шли слишком хорошо, Проект был слишком популярен.

Пока его внезапно не закрыли... Заповедник просуществовал почти триста лет. Триста лет реального времени и несколько сотен экранного, миллионы фотографий, тысячи книг, как художественных, так и документальных, бессчетное количество статей и заметок... и ничего, абсолютно ничего о последних годах его существования. Нигде ни намек на то, когда именно и почему Проект закрыли.

Пиону это сильно раздражало. Еще полгода назад ей казалось, что с написанием диссертации она справится так же легко и быстро, как справлялась со всеми заданиями во время обучения на историческом факультете Городского гуманитарного университета. Теперь она зашла в тупик, единственным выходом из которого казалась авантюра с незаконно добытыми из Исторического музея имплантами нескольких современников тех событий.

Сами по себе импланты были бесполезны, но вот хранившиеся в них ДНК могли в умелых руках поведать очень многое. По просьбе Пионы Эрст переоборудовал один из медицинских МАРВов – мобильных аппаратов реконструкции воспоминаний, используемых для лечения старческой деменции или потери памяти, например, после аварии. Усовершенствованный МАРВ позволял не только восстанавливать собственную память, но и заглядывать в чужую.

Работал он, правда, не очень стабильно. Последний сбой в работе аппарата как раз привёл к поломке системы кондиционирования корабля. Да и сам процесс просмотра чужих воспоминаний был не из приятных. Пока Пиона тренировалась только на слепках памяти Эрста, коротких десятиминутных ментограммах, вмещающих информацию о нескольких месяцах жизни. И даже после них девушку слегка мутило и появлялись смутные видения, не только во сне, но и наяву. Сейчас же ей предстояло считать память о всей жизни абсолютно незнакомого ей человека. Но другого выхода девушка не видела.

Бросив взгляд на голограмму мертвого Счастливого, Пиона вышла из каюты и закрыла за собой дверь. Через пару минут в поисках ответов на свои вопросы она погрузится в чужую память. Только чью?

Книга 1

Глава 1. Прайд

На меня глядела молодая, красивая львица... Редкий пепельный окрас, миндалевидные глубокие карие глаза, мягкие большие лапы...

Буйвол моргнул и на мгновение я перестала видеть собственное отражение в его огромных грустных глазах.

– Ну же! – от злости и бессилия крикнула я, ударив лапой по его груди. – Сопrotивляйся!

Молодой самец только отвернулся и покорно положил голову на выжженную землю, не предпринимая попытки освободиться от моей хватки. В бешенстве я спрыгнула вниз и начала ходить кругами вокруг поверженного противника. Буйвол удивленно смотрел на меня, но встать не пытался.

– И что это, по-твоему? – мой голос, казалось, разлетелся по всей саванне. – Это, по-твоему, охота? Да ты даже не убежал! Сдался, словно последний слабак!

– Ты львица, – обреченно ответил мой противник.

Я сжала зубы, чтобы не закричать снова. Заставила себя сделать еще один круг вокруг буйвола, перед тем как ответить.

– И что? – произнесла я, пытаюсь говорить спокойнее. – В честной схватке одинокая львица вряд ли сможет что-либо сделать с молодым сильным буйволом. Как тебя, кстати, зовут?

Буйвол тревожно повел ушами.

– Тауро, – тихо ответил он.

Я усмехнулась. Могла бы и догадаться. Отнюдь не все родители в саванне подбирали своим детям оригинальные имена.

– Так вот, Тауро, – уже совсем спокойно продолжила я. – Ты бесспорно сильнее меня, тем более в такую жару. Львы хорошие охотники, но справиться с могучим быком в одиночку далеко не всегда под силу и главе прайда.

Если бы эту крамолу слышала Леена или другие старейшины, синяков на моих пыльных боках значительно прибавилось бы. Сколько раз уже мне доставалось за попытки объяснить другим животным правду, что мы не всеильны и нет смысла сразу сдаваться, лишь заметив льва издали. От страха беспомощной, покорной жертвы охота теряет прелесть. А, как говорят боги, львы созданы для охоты. Все хищники созданы для охоты.

Буйвол робко приподнялся.

– А мне говорили совсем другое... – в хриплом голосе сквозила неуверенность, от могучего тела остро пахло страхом.

– Тебе все правильно говорили. Если увидишь льва, лучше беги. И никогда сам первый не пытайся напасть, как бы ни был уверен в себе. Но если убежать не удалось, сражайся и у тебя будет шанс спастись. Все лучше, чем безвольно падать на землю и ждать своей участи. Ты понял?

Каждый раз ведя мятежные и опасные речи, я чувствовала себя неловко. Тем более, что понять меня могли лишь подростки, мои сверстники. Взрослым животным уже не удавалось объяснить, что их поведение неправильно. Что ведут они себя не так как, желают боги, и сами не видят своих заблуждений. Что они – ненастоящие животные в моем понимании. А вот ровесников еще удавалось переубедить. Тем не менее, казалось странным объяснять простые вещи, к которым мог бы прийти всякий думающий зверь. Почему они сами не понимают, почему не делают выводы?

– Ты ведь Нала, да? – неожиданно спросил буйвол.

– С чего ты взял? Я ведь не представлялась, – опешила я от такого вопроса. Похоже, мой пепельный окрас стал известен далеко за пределами ареала обитания прайда, что не сильно меня огорчило, ведь охотится я смогу в любом случае. В своем таланте прятаться и оставаться незаметной в засаде я ни на мгновение не сомневалась, но и лишнюю известность приобретать не хотелось. Неровен час, моим именем начнут детенышей пугать. Б-р-р...

Тауро изобразил что-то вроде улыбки:

– В саванне есть лишь одна львица, которая учит своих жертв, как уцелеть при встрече с хищником.

Вот так новость! Выходит, меня знают не как отличного охотника, а как хищника-гуманиста, наставника слабейших? И то, что я говорю другим животным, не пропадает зря? Как следует удивиться я не успела. За спиной прозвучал голос, вызывающий столь сильное раздражение, что оно заслонило все остальные чувства.

– Вот именно, Нала, хватит учить мою потенциальную добычу. А вдруг я не смогу его поймать, когда выйду на охоту?

Я даже не обернулась, чтобы посмотреть, чей ленивый, раскатистый баритон вмешался в беседу. Вместо этого я наблюдала за удаляющимся в степь Тауро, точнее за облаком пыли, скрывшим его от моих глаз. Все еще не поворачиваясь, я подошла к ближайшей низенькой акации и уселась в ее тени.

– Не удивлюсь, если ты его не поймаешь, Тенорио, – наконец бросила я ответ. – Вся твоя добыча – потенциальная. Ты хоть раз сам изловил кого-нибудь или живешь только благодаря прайду? – пусть я и не кобра, но яду в голосе хватило бы на целый клубок змей.

– Ну-ну, как грубо, Нала. Цинизм тебе не идет.

Передо мной появилась довольная морда наглого зверя. Несмотря на засуху и жару, выглядел он очень опрятно и даже щеголеват. Шерсть прилизана волосок к волоску. На голове кокетливый хохолок. Настолько небрежный, что сразу становилось понятно: Тенорио провел немало времени, чтобы уложить в живописном беспорядке пышную гриву. Меня всегда раздражало, что многие молодые львицы были без ума от ухоженного красавчика. Но разделить чувства ровесниц не могла, да и не пыталась.

– Твое раздражение видимо от голода. Плохо выглядишь, Нала. Осунулась... даже на лучших из нас скверная погода действует не лучшим образом, – он словно читал мои мысли и выворачивал их наизнанку. Интересно, что будет, если я скажу, что он, в отличие от меня, сегодня прекрасно выглядит? Может, признает, что он урод и мерзавец, каких мало? Надежды на искренность не оставалось, поэтому ответ мой прозвучал коротко.

– Наша встреча – причина моего раздражения.

Морда Тенорио стала еще более самодовольной. Вдобавок, на ней появилось сочувственно-покровительственное выражение. Вы видели когда-нибудь сочувственно-покровительственное выражение на морде у льва? Нет? Тогда вам не понять, почему я чуть не рассмеялась ему в морду.

– Ладно, не дуйся, подруга. Я же о тебе забочусь. Не стоит так долго находиться на солнце...

Мне очень не хотелось покидать тень, но терпеть его общество мне хотелось еще меньше, поэтому я поднялась, бросив на ходу.

– Я только что пришла...

– А вот и неправда, я за тобой уже давно наблюдаю. Вон оттуда, с пригорка. – он показал на бугристый холм, за которым спрятался бы и слон.

Покровительственное выражение на лоснящейся морде только усилилось. Для того, чтобы почувствовать это, мне не требовалось даже поворачиваться к собеседнику – хвостом почувствовала. Наглость самца стала меня бесить.

– Ты следишь за мной? – грозно спросила я, стоя вполоборота к Тенорио. Мне стало неприятно, что он наблюдал за охотой. Не в моих правилах нападать на других животных без поддержки прайда или без острой необходимости в пище. Но сегодняшний день казался мне слишком длинным и скучным, и я решила развлечься погоней за буйволом.

– Забочусь, как я уже сказал, – ответил «сама заботливость» нашей саванны.

– Да ты ни о ком не заботишься, кроме себя! – не стоило срываться на рык, но сдержаться оказалось выше моих сил.

– Конечно, я должен подумать о себе, иначе никто не подумает об одном молодом и перспективном льве, его делах и заботах. Но о тебе я тоже забочусь и о других львицах моего прайда, – заявил Тенорио и плюхнулся на сухую траву под моей акацией. Наглец перевернулся на спину, демонстрируя голое брюхо и доказательства принадлежности к мужскому полу.

Я так разозлилась, что не сразу смогла подобрать слова. Тенорио совсем умом тронулся? Это шутка, издевательство или плод его больного воображения? И при чем тут я – неужели красавчик надеется на взаимность? Облизав пересохшие губы я едва смогла выдавить:

– Ты что, совсем перегрелся? Какого твоего прайда? Ты еще не вошел в возраст!

– Наше испытание Совершеннолетия уже скоро, после этого я стану взрослым львом, и мне придется создать свой прайд. Не оставаться же в унылом убожестве, к которому я сейчас принадлежу, – Тенорио пытался придать своей морде выражение безразличия и скуки, но я прекрасно знала, почему он не сможет остаться в прайде.

– Да просто у тебя сил не хватит одолеть Лееу. Не повезло тебе с первым львом твоего прайда. А остаться он не позволит. Ему нахлебники не нужны.

Издевку в моих словах Тенорио уловил так же быстро, как прежде игнорировал равнодушие и неприязнь. В возбуждении он вскочил на лапы.

– Думай как хочешь, но сейчас мне равных нет. А Лееу уже стар и немощен, мне он не соперник. На Испытаниях ты в этом убедишься и согласишься стать первой самкой прайда Тенорио... если я к тому времени не передумаю.

Его глаза злобно блестели. Мы поменялись местами, и теперь он чувствовал себя жертвой в нашей беседе. А вот я пошла в наступление.

– Не смей унижать мой статус второй прайда Леены предложением стать первой прайда Тенорио!

– Вашим прайдом правит львица! Это позор!

Следующей фразой Леена гордилась бы, если б могла ее слышать. Тем более, что произнесла я ее совершенно искренне.

– Нашим прайдом правит львица и это честь для нас. После смерти Нобеля не нашлось ни одного льва достойнее и сильнее Леены.

Это признавали все в саванне. Мой прайд был лучшим и первым во всем. Леена была первой нашего прайда, старейшиной от вида львов и ее уважали все хищники (да-да! Не только львы!) в округе. Хотя нет, Тенорио явно был другого мнения:

– Просто ваша старуха бесится от одиночества и никого к себе не подпускает. Впрочем, она слишком стара, чтобы на её седые мощи польстился хоть самый заваливающий самец.

Не могу не признать, что лев избрал достаточно оригинальный способ заслужить мою симпатию. Я ощерилась, упругий хвост заходил по бокам, передняя лапа с выпущенными когтями угрожающе приподнялась.

– Не смей так отзываться о моей матери!

По счастью, я унаследовала от отца не только меткость удара, но и тяжелую лапу – последний аргумент множества детских споров. Все львята, включая Тенорио, носили отметки моих когтей. Наверное, поэтому молодой самец бросил на меня злобный взгляд, развернулся и пошел прочь. Удалившись на приличное расстояние, он бросил:

– Ты пожалеешь... – и добавил эпитет, которым не следует называть львицу. Красавчик ошибся, думая, что выпад пройдет безнаказанно – я услышала. Слух у меня тоже всегда был отличный. И память.

Довольно быстро, несмотря на жару, Тенорио скрылся из вида. Я же осталась под тенью акации удивляться с каким успехом ему удавалось окончательно портить и без того неудачные дни. Сомнительный талант обнаружился у него еще в раннем детстве. Других талантов, увы, не наблюдалось. Я всегда относилась доброжелательно ко всем обитателям саванны, и особенно к кошачьим, но выносить Тенорио дольше короткой пикировки при всем желании не могла.

Больше всего раздражало то, что остальные львы нашей местности считали нас весьма подходящей и перспективной парой. Повод выглядел очевидно – я вторая в сильнейшем прайде, он – второй в прайде, который немногим уступал нашему по статусу – хороший союз, хорошие львята. Умом я понимала логику сородичей, но соглашаться с выводами не собиралась. Особенно выводило меня из себя то, что Тенорио принял мнение большинства как наилучший вариант развития событий и поэтому ходил за мной по пятам. С его стороны это не было ни увлечением, ни любовью. Не думаю, что Тенорио вообще способен любить кого-то кроме себя. Скорее он относился ко мне как к будущей собственности. Весьма престижной, между прочим.

Только уважительное отношение к Лееу – главе прайда Тенорио – останавливало меня от того, чтобы при случае подробно объяснить молодому льву, что его планы так планам и останутся (и набить ему наконец наглую морду).

Лееу очень помог моей матери, когда погиб мой отец – Нобель. Они с Лееу были братьями и всегда защищали друг друга. Но в тот злополучный день семнадцать сезонов назад Лееу поблизости не оказалось. Я точно не знаю, что привело отца к гибели. И никто ничего мне не желал рассказывать, даже по секрету, даже по дружбе. Только Лееу обмолвился однажды, что в смерти брата была и его вина. И чтобы хоть как-то искупить проступок, старался стать опорой для Леены и нашего прайда.

Времена траура оказались очень тяжелыми. Я была совсем маленьким котенком, но все равно помню атмосферу тревоги и затаенного страха, заплаканные глаза матери, львиц, которые старались меня не замечать, одиночество – словно я бродила по недружелюбной саванне, а не жила среди родни. Прайд стоял на грани распада, поскольку Леена не собиралась принимать другого самца, хотя претендентов нашлось предостаточно. Причина состояла не только в любви к отцу и отказе представить другого самца на месте Нобеля. Согласно традиции, новый лев имел полное право убить весь молодняк нашего прайда. Этим молодняком была я. Конечно, традиция считалась условностью, даже на памяти старейшин самцы не реализовывали свое право, но чтобы установить авторитет в нашем прайде, новый лев мог и вернуться к древним обычаям.

Прайд Лееу и он сам помогали, чем могли: и словами (Лееу не отходил от мамы ни на шаг, пока она не смогла кое-как прийти в себя), и физически (только благодаря его покровительству ни один чужой лев не смог взять власть над нашим прайдом). С тех пор прошло уже много сезонов, наш прайд вернул себе былую славу и статус. Леена, пусть она и возражала из скромности, стала более мудрым лидером, чем Нобель. И хотя до сих пор все решения она объясняла одной фразой: «Так поступил бы мой муж» – это выглядело данью традиции, уважением к покойному. Кто через столько лет взялся бы предсказать поступки и тем более решения Нобеля?

Не последнюю роль в возвышении нашей семьи сыграла и я (честное слово, не хвастаюсь... почти не хвастаюсь). Благодаря успехам на охоте, быстроте, ловкости и силе мой личный авторитет рос с каждым сезоном дождей и добавлял авторитета всему прайду. Да и вообще... Не просто же так меня называют «истинной львицей»?!

Даже в нынешнюю засуху наш прайд преуспевал больше других, пусть и ненамного. Мы не испытывали существенного недостатка в пище, были здоровы, и малыши чувствовали себя прекрасно. Все вели размеренный образ жизни. Молодые мамы заботились о котятках, те в свою очередь старались изо всех сил, чтобы устроить веселую жизнь другим членам прайда. Взрослые львы следили, чтобы чужаки не забредали на нашу территорию. Леена всем этим беспокойным балаганом управляла. И только я слонялась по саванне, пытаясь найти себе занятие.

Привычная и однообразная жизнь в прайде мне давно наскучила. Даже охота не доставляла былого удовольствия, так как скорее походила на игру, в которой каждая из сторон прекрасно знала свою роль и не собиралась ничего менять. Других развлечений находилось немного, к тому же праздность не особо одобрялась моей матерью. Она говорила, что мои увлечения – блажь, не достойная львицы. Приходилось уходить подальше от мест, которые прайд считал своим домом и искать себе занятия вне пристального взгляда Леены.

Последним моим развлечением было вырезание когтем картин на гладких стволах деревьев или мягком песчанике. В основном, я изображала животных, которые меня окружали, какие-то необычные по форме деревья или кусты. Получалось достаточно симпатично. По крайней мере все, кто видел мои картины, говорили, что вышло здорово. Скорее всего льстили «истинной львице»... Но я чувствовала неподдельный интерес и любопытство. Единственное, что никто не мог понять – зачем молодой львице разменивать себя на подобные пустяки? Неужели не полезней тратить время на оттачивание охотничьих навыков, беседы с мудрыми старейшинами, игры, с молодежью и поиск пары, достойного вождя прайда и отца будущих львят? Объяснить, зачем вместо нужных дел занимаюсь пустяками, я не могла. Даже себе. Наверное, от скуки. И еще мне нравилось делать то, что никто кроме меня не умеет. Не знаю, было ли рисование на камнях моим изобретением, но других львов-художников я никогда не встречала.

Жаль, что пустяки тоже быстро наскучивали. Сначала все удивлялись, что у меня получается создавать необычные вещи, поразились моей фантазии. Потом привыкли. А мой характер требовал все новых и новых порций свежайшего восхищения. Я должна была оставаться первой всегда и во всем. А смысл гордиться первенством в том, что умеешь делать только ты? Удостоверившись, в который раз, что я могу изобрести что-то необычное, я охладевала к занятию, и приходилось искать новое увлечение. Только фантазия моя тоже имела пределы, и находить новые увеселения становилось все труднее. Особенно в такую жару, когда мысли, казалось, вытекают из головы и испаряются на раскаленном воздухе.

Вот и теперь, я возвращалась домой недовольная еще одним бесцельно прожитым днем, да еще и раздраженная встречей с Тенорио. Дома меня ждало сердитое ворчание Леены.

Пока я брела по жесткой выцветшей траве, предаваясь невеселым размышлениям о невеселой жизни, время приблизилось к полудню. Солнце стояло в зените и поливало равнину горячими лучами. Насколько хватало взгляда, везде простиралась пустошь, высушенная жарким летним солнцем. Некогда зеленая равнина теперь была покрыта потрескавшейся коркой засохшей грязи.

Словно кто-то большой и сильный пытался построить здесь новый холм, но ему это быстро надоело, и он ушел, рассыпав повсюду осколки. То тут то там попадались невысокие кусты, еле живые под палящими лучами солнца, но жалкая поросль не могла передать величия этой местности во время сезона дождей. Скорее пейзаж навевал тоску о былом плодородии здешних мест.

Засуха в этом году пришла раньше и никак не хотела уходить. Настолько тяжелых времен на моей памяти не случалось. Да и не только на моей. Даже самые почтенные старейшины из тех, кто помнил добрые времена, говорили, что подобного бедствия не случалось уже много сезонов. Растения погибали. Почти все реки пересохли. Немногие потоки, ещё сопротивляющиеся жаре, походили на цепочки грязных луж. Тем не менее, это была вода и каждый

день животные, кто поодиночке, кто стадом, сбредались к последним источникам живительной влаги.

Вдали показался наш дом, вернее небольшая поляна, окруженная деревьями. Львы не выют гнезда и не роют норы, в отличие от многих животных, которым нужно спастись от хищников. Мы предпочитаем жить на свежем воздухе, под сенью акаций на какой-нибудь уютной поляне недалеко от водопоя и пастбищ наших жертв.

Вот уже три сезона мы обитали недалеко от реки, которая все еще могла удержать воду в своих берегах, несмотря на засуху. Наша поляна находилась в небольшой низине и даже в самый палящий зной, здесь удавалось найти прохладу. Идеальное место, чтобы растить малышей.

Благодаря близости реки, в нашем распоряжении оказалось достаточно пищи. Нет, водного перемирия мы никогда не нарушали, однако никто не запрещал нам охотиться на животных, которые решали остаться пастись на пастбище между рекой и нашим домом. В конце концов, лень наказуема. Ну, или, по крайней мере, так всегда говорила Леена. Изредка мы меняли место охоты, но никогда не отходили далеко от родной поляны. Благо подходящих пастбищ в округе нашлось еще несколько, и все они прекрасно просматривались с огромного валуна, стоящего у края низины.

Еще издали я увидела, что наш прайд собрался на поляне почти в полном составе. Леена как всегда лежала на валуне, осматривая окрестности. Вглядываясь в ее силуэт, я шкурой чувала, что меня ждет очередной неприятный разговор на тему бесцельной отлучки. Поэтому, я даже сбавила шаг, несмотря на желание поскорее оказаться в прохладной тени и развалиться рядом с Амбессом и Лионом – единственными взрослыми львами нашего прайда.

Братья присоединились к прайду через несколько сезонов после смерти Нобеля. Долгое время они, как большинство молодых самцов, жили бродягами, без собственной территории. Перебивались редкой добычей и не особо задумывались о будущем. Пока не набрали на окраину наших охотничьих угодий. Сначала их приняли холодно и недружелюбно. А кому бы понравились два молодых чужака, бродящих по твоим пастбищам, охотящихся на твою добычу и вообще угрожающих благополучию? Наш прайд был еще слаб, и мы находились под покровительством прайда Лееу. Лееу не раз жестко давал братьям понять, что им здесь не рады, но львы вопреки здравому смыслу не уходили. Так продолжалось до тех пор, пока Леена не узнала о завязавшихся отношениях между ее младшей сестрой Арией и одним из братьев, Амбессом. Тот скандал помню даже я, поскольку криками и рыком Леена и Эрслэн наверное, докричались до самих богов. Казалось абсолютная победа в споре была на стороне Леены, но не прошло и нескольких лун, как братья прочно обосновались в нашем прайде.

К их чести надо сказать, что они никогда не претендовали на место лидеров и делали все, чтобы прайд занял положенное ему место в львином сообществе. Собственно, с их приходом и наступили спокойные времена для нашей семьи.

В данный момент два этих бравых молодца валялись на траве в тени деревьев, поджав лапы и мурлыкая от удовольствия. Точнее их мурлыканья я слышать пока не могла, но прекрасно знала их привычки. Особенно, когда вокруг крутились маленькие пушистые комочки.

Сейчас в прайде было пятеро львят не старше семи сезонов. Трое как раз и были заслугой Амбесса и Эрслэн. Двойняшки Леона и Нобель-младший отличались на редкость спокойными характерами и предпочитали, как и их отец, проводить время в тени деревьев. Однако если от покладистой Леоны я не ожидала никаких пакостей с её младенчества, то молчун Нобель всегда заставлял меня держаться в напряжении. Не то, чтобы он был проказником, но как говорится в тихом омуте... В общем, я пока не могла определиться, что из него вырастет.

Третьим в их дружной семье был Диво, младший сын. Этот пошел характером в мать – такой же упертый и своенравный, а к своим пяти сезонам успел даже ее перегнать. Меня больше всего восхищала в Эрслэн способность уследить за маленьким непоседой, не забывая

о двух других львятах. Я же сама не могла долго выдержать компанию Диво, и учила его уму-разуму при помощи шлепков и затрещин. Тем более, что он недавно вошел в возраст трансформации, когда маленьких детей обучают превращаться во львов и обратно. И как только негодник освоил навык преобразования, то начал постоянно менять облик с человеческого на львиный. Да так часто, что за ним не удавалось поспеть. Поэтому, когда меня пытались оставить «няней» и последить за младшими, пока взрослые на охоте, я старалась найти любой предлог, чтобы избежать пытки детьми. Более тяжелого испытания для меня не существовало.

Младший из братьев, Лион, тоже недолго оставался в холостяках и через три сезона привел к нам симпатичную львицу из соседнего прайда, Лёвин. Их семья насчитывала пока двоих детей – Васа, четырех сезонов от роду, и Лееувуфи (Малышка Вуфи или просто Котя), двух сезонов – но я знала, что они не собираются на этом останавливаться.

Васу и Вуфи, пока не разрешалось превращаться во львов, поэтому они постоянно с завистью смотрели на старших двоюродных братьев и сестру и старались им подражать. Было весьма забавно, когда они бегали на четвереньках, изображая львов. Без хвоста, шерсти, а Вас еще и без гривы, облаченные только во вторую кожу, они выглядели немного глупо, хотя вместе с тем и трогательно.

Я даже удивлялась, как они не стерли себе коленки. Наверное, только благодаря удивительному наряду – второй коже. Честно говоря, я точно не знаю, что это такое. Выглядит она как обычная кожа и так же плотно покрывает почти все тело, кроме кистей рук, ступней и головы. Единственное отличие – ее можно оттянуть и даже снять. Правда никто без жизненной необходимости старается не раздеваться. Старейшины говорят, что вторую кожу нам подарили боги для защиты от мелких ран, холода и зноя, ведь в человеческом облике мы беззащитны. В этом я с ними была согласна.

Кроме двух семей в нашем прайде жили еще одна сестра Леены с дочерью. И если про Арию я знала, что она не родная, а двоюродная сестра Леене, то родство Леонессы так и оставалось для меня загадкой: то ли двоюродная, то ли троюродная сестра. Тем не менее, я называла ее тетей, и она с дочерью Аслой, молодой львицей пятнадцати сезонов от роду, стали для меня самыми близкими львами в прайде. После Леены, конечно.

Вот и весь наш прайд. Двенадцать львов, львиц и львят, которых я называла семьей, а все остальные обитатели саванны – сильнейшим и самым уважаемым львиным сообществом.

Как только я приблизилась к нашей поляне, меня окружила мешанина из лап, хвостов, рук и ног, которая гордо звалась молодняком прайда Леены. Эта неразлучная пятерка обычно носилась по всей саванне и не давала взрослым спокойной жизни. Сейчас объектом приставаний оказалась я.

– Нала вернулась!

– Нала, поиграй с нами...

– Нала, ты опять на кого-нибудь охотилась?

– Нала, ты нас научишь?

– Нала, покажи какой-нибудь прием, ты обещала...

Шум стоял невообразимый. Львята толпились у моих лап, стараясь не пустить друг друга ко мне и заодно не пуская меня вперед. Конечно, я люблю своих племянников, но иногда их активность меня раздражает. Вот и сейчас мне очень хотелось, чтобы их оказалось поменьше, и вели они себя потише.

– Так, цыц, не галдеть! – Я постаралась сделать морду построже. Львята нашего прайда были далеко не такими глупыми, как могло показаться с первого взгляда.

Они прекрасно знали, что когда я делаю строгую морду, то готова согласиться почти на любую затею, но чтобы добиться согласия, нужно выполнить то, что я говорю. Или хотя бы попытаться. Вот они и попытались утихомириться.

Зрелище было весьма забавное. Пять львят сидели в ряд передо мной, исподтишка пихая друг друга в бок, но при этом преданно смотря мне в глаза. Осталось придумать, чтобы им интересненькое сказать, какую идею подкинуть, чтобы они забыли обо мне хотя бы ненадолго.

– Что самое главное на охоте? – с максимально серьезным видом спросила я.

– Быстро бегать, – сразу закричал Нобель. Я про себя усмехнулась: «кто чем знаменит, тот о том и говорит».

– Дурак ты, мы же не гепарды, – сердито возразила Леона, с силой толкнув Нобеля в бок. – Главное – хорошо прятаться, чтобы жертва тебя не заметила. Так, Нала?

– Конечно, быстро бегать и хорошо прятаться – это важно, но есть вещи и поважнее. – Я придвинулась к ним поближе и заговорила почти шепотом, словно рассказываю великую тайну. Львята смотрели на меня затаив дыхание. Все пять пар ушей настороженно повернулись в мою сторону. Я огляделась вокруг, словно проверяя, что нас никто не подслушивает.

– Самое главное – правильно выбрать жертву!

Наступила тишина. Львята переваривали сказанное. А я наблюдала за их реакцией. Мне было интересно, насколько глубоко они смогут вникнуть в простую мысль. Конечно, в слова я вкладывала намного больше, чем они могли понять в нежном возрасте. Тем не менее, я бы порадовалась, если бы хоть один из львят начал думать самостоятельно вместо того, чтобы повторять банальные истины...

– ... Но ведь каждый вечер Леона сама выбирает тех, на кого мы станем охотиться, – произнес Нобель, развеяв мои надежды. И зачем только мальчишку назвали в честь моего отца? Все равно имя не помогло Нобелю-младшему стать хотя бы немного сообразительнее.

Леона снова пихнула брата в бок, но ничего не сказала. Видимо она понимала, что левенок неправ, но не могла сказать почему. Или просто прочла на моем лице недовольство и решила исправить ситуацию.

– Нет, Нобель. Я говорю о том моменте, когда вокруг тебя бежит стадо, и ты должен сделать единственно правильный выбор. Атаковать того, кого точно сможешь поймать. Кто окажется тебе по силам...

– Мне все по силам! – расхрабрился Нобель. Он встал, расставил лапы, высоко поднял морду и угрожающе, на его взгляд, зарычал. – Я – царь зверей!

Остальные львята покатались со смеху. Я тоже усмехнулась. Нобель засмутился и добавил:

– В смысле скоро им стану...

Тут и я присоединилась к племянникам. Хорошее воображение сыграло злую шутку, и Нобель в роли царя зверей выглядел весьма забавно. Левенок уже сам пожалел о сказанном и решил загладить свою оплошность.

– По крайней мере тебе точно по силам поймать любого, – с ударением на слове «тебе» сказал Нобель. Эти слова моментально стерли смех с моих губ. Я поморщилась. И он туда же. Как и все. Мне вдруг стало неприятно общество малышей, и я постаралась побыстрее завершить разговор, постаравшись не обижать львят.

– Нет, никто из нас не всемогущ. Но чтобы стать такой как «истинная львица» Нала, – на этих словах я снова поморщилась, но раз уж начала говорить, придется договаривать, – вы должны уметь выбирать правильную жертву. Первое – не бросайтесь сразу на случайного, попавшегося под лапы зверя. Посмотрите на остальных вокруг вас. Лучше подождать и выбрать лучше, чем потом бегать от одного зверя к другому. Второе – выбирайте тех, кто больше всего напуган, – или делает вид, что напуган. – Такие, изображая жертву, больше концентрируются на страхе, чем на том, как убежать. – И третье – выбирайте тех, кто при прочих равных слабее и утомленнее остальных. Тогда вас ждет успех.

Слово «успех» вернуло веселье на морды притихших было львят. Они радостно загалдели, обсуждая услышанное.

– Ну, вот и отлично, – с облегчением вздохнула я. – Идите, потренируйтесь выбирать жертву. Поищите каких-нибудь животных вокруг и понаблюдайте за ними.

Стайка львят моментально унеслась, оставив меня одну.

– Только понаблюдайте, слышите, ни на кого не нападать! – крикнула я им вдогонку.

– Привет! – Асла, следившая за моей беседой с львятами издалека, решила сменить детенышей в разговоре со мной, как только молодняк разбежался.

На фоне дружной компании, Асла всегда казалась мне немного потерянной. Не считая меня, она росла единственным подростком в нашем прайде. Все свое свободное время она проводила в компании старших львиц. Не могу сказать, что Аслу тяготило общество взрослых, но желание поболтать со мной возникало при каждом удобном случае. В конце концов, по возрасту я единственная подходила ей в качестве подруги.

Я со своей стороны тепло относилась к Асле, даже считала ее в какой-то мере своей ученицей. Не то, чтобы я наставляла её и воспитывала. Для этого, я думаю, ей хватало Леонессы и Леены. Просто сама Асла старалась во всем подражать мне. Поэтому она всегда расспрашивала, чем я занималась в свободное время.

И сейчас у меня было полное ощущение, что Асла специально ждала моего возвращения.

– Ты опять ходила рисовать картинки на песке? – спросила она, с робостью заглядывая мне в глаза.

– Нет.

У меня было совершенно не то настроение, чтобы вести долгие разговоры на тему моих причуд.

– Ты вроде уже давно не рисуешь...

То ли я хорошо спрятала раздражение, то ли Асла не хотела его замечать.

– Почему? Тебе же очень нравилось. У тебя хорошо получается... А помнишь ты и меня обещала научить, – в голосе Аслы слышались просительные нотки.

Почему все лезут ко мне, когда у меня паршивое настроение? Стараясь не обидеть Аслу, я сказала:

– Как-нибудь потом, ладно?

По морде сестры читалось, что она расстроилась, пришлось объясниться.

– Просто я устала, да и Леена меня ждет, – не то, чтобы я говорила правду, поскольку редко спешила на встречу с матерью. Но, по крайней мере, такая отговорка была существенной для Аслы, и она согласно кивнула в ответ.

Делать было нечего: раз я сказала, что тороплюсь, придется действительно прибавить шаг.

Я легко взобралась на огромный камень, который был любимым наблюдательным пунктом матери. Камень был настолько огромен, что легко мог вместить все тринадцать членов прайда, но сейчас на нем грелась на солнце только Леена.

Мама... Она была уже немолода. И с возрастом становилась все больше похожей на меня внешне. Только мой пепельный окрас шерсти закрепился с первой линьки, а ее тусклые подпалины были сединой. Тем не менее, Леена до сих пор оставалась одним из лучших охотников во всей округе. Многочисленные шрамы на ее шкуре свидетельствовали о былых схватках, как с жертвами, так и с соплеменниками, осмелившимися оспаривать ее статус.

Мать боялись и уважали. Лучшее сочетание чувств, которые нужно вызывать в окружающих, чтобы поддерживать высокую позицию в обществе. Недаром Леена вот уже много сезонов была старейшиной от рода львов. Великая честь как для нее самой, так и для нашего прайда. Хотя мне иногда хотелось, чтобы Леена чаще исполняла роль матери, чем старейшины. Но изменить что-то не в моих силах.

Я заняла положенное мне место рядом и чуть позади от нее. Не поворачивая головы в мою сторону, Леена заговорила:

– Где ты бродила все утро?

В голосе явно сквозило неудовольствие. Леена не любила мои постоянные отлучки и была спокойна лишь тогда, когда я оставалась в поле ее зрения. Впрочем, как и остальные члены прайда. Вот только постоянно болтаться на поляне как лягушка в болоте, валяться на солнышке и не заниматься ничем, кроме как переворачиваться с боку на бок, я не могла.

– Гуляла, – угрюмо буркнула я в ответ.

– Полагаю, искала новые пастбища, где мы можем охотиться? – Леена все еще смотрела вдаль, словно безжизненная в такой час равнина была ей намного интереснее меня.

– Нет, – сказала я, хотя про себя подумала совсем другое: «Какие новые пастбища, когда наш мир уже исхожен вдоль и поперек нашими предками! Существовали бы в самом деле мифические новые пастбища, разве я бы тут сейчас прохлаждалась?»

Я тоже уставилась вдаль, словно пыталась разглядеть неизведанные пастбища с новой добычей. Вдали не наблюдалось ничего интересного. Единственное, что бросалось в глаза – тонкая полоска дыма на горизонте. Я не в первый раз видела дым, но никто до сих пор не мог сказать точно, откуда он берется. Многих он пугал. Не могу сказать, что я принадлежала к трусливому большинству, но мне всегда казалось, что дым предвещает неприятности. По крайней мере сегодня он точно не сулил мне ничего хорошего.

– Тогда чем ты занималась? – Голос Леены обдал меня холодом. Неужели вся пустота в моей душе слышалась в коротком слове «нет»? От моей матери трудно было что-то утаить.

– Искала чем бы себя развлечь. Я же не могу днями и ночами играть, как молодняк, – не отдавая себе в этом отчета, я стала искать глазами нашу пушистую свору, которую сама недавно послала на поиски приключений. Львята нашлись на достаточно приличном расстоянии от нашего камня, рядом с несколькими деревьями молодой акации.

Все пятеро прижались к земле. На фоне желтой травы, да еще и с такого расстояния их было довольно сложно разглядеть. Интересно кого же они выбрали в жертву, следуя моим советам.

Леена проследила за моим взглядом и удовлетворенно произнесла.

– Они не играют, а учатся охотиться. Могла бы к ним присоединиться.

Думаю, такой выход из положения казался идеальным для Леены как для главы прайда: и я на виду, и дети под присмотром. Только вот меня такое решение никак не устраивало.

– Поверь, я достаточно натренировалась. Можешь спросить у тех, на кого мы охотимся, – пробурчала я себе под нос.

– Я не тренироваться тебе предлагаю, а обучать. Скучать хоть перестанешь. Раз ты такая великая охотница, поделись своим опытом с другими, – Леена даже не пыталась скрыть иронию в голосе. Она впервые за наш разговор взглянула мне в глаза. Моя мать порой превосходила меня: и по остроте ума, и по способности его применять в самый неприятный для собеседника момент.

Я уже готовилась ответить чем-нибудь не менее язвительным, когда, наконец, заметила, кого именно выбрали наши горе-охотники в жертву. Мне оставалось надеяться, что они продолжат благоразумно наблюдать и не станут искать на свои шкуры приключений. Но, как частенько случается с нашим молодняком, надежды не оправдались.

Даже Леена перестала буравить меня насмешливым взглядом, а заинтересованно посмотрела вдаль. На какое-то время пришлось прекратить нашу милую семейную беседу. Зрелище того стоило. Перед нашей пятеркой стоял бабуин. Не просто стоял, а гордо возвышался. Он ни в коей мере не пытался делать вид, что не видит наших горе-охотников, и уж тем более он их не боялся. Вся его фигура говорила о том, что перед львятами матерый, опытный зверь, который прекрасно понимал, что хищные звереныши ему не угроза.

А вот львята – не понимали. Не знаю, как им пришло в голову выбрать взрослую обезьяну объектом своей игры и что натолкнуло их на мысль, что гривастый, жирный самец слаб или испуган, но они определенно готовились наброситься. А вот это было плохо.

Пусть львят было пятеро, но они оставались детенышами. Пусть они мнили себя львами, но очень маленькими львами. И взрослый бабуин мог нанести им серьезные ранения, если начнет сопротивляться по-настоящему. Так что сейчас стоял вопрос станет ли он защищаться по-настоящему? Он не мог не видеть, что перед ним всего лишь дети, пусть и не совсем безобидные. Но кто знает, как он относится к нашему виду вообще. Кто знает, сколько его сородичей стали объектами нашей охоты? И сколько из этих охот было успешными? Ответов у меня не было, и я медленно поднялась. Одновременно со мной львята вдали тоже поднялись и стали приближаться к бабуину.

Я вся напряглась, чувствуя каждый волосок на своей шкуре. Вряд ли я прошу себе, если с малышами что-нибудь случится. Тем временем бабуин начал медленно отступать, но не убежать, как втайне надеялась я. В ответ львята издали подобие грозного рычания. Очень отдаленное подобие, на мой взгляд. Особенно усердствовал Нобель. Честное слово, уши ему оборву, когда они вернутся.

Я уже была готова сорваться с места, когда почувствовала, как чья-то властная лапа прижимает меня к земле, не давая сдвинуться с места. Я удивленно взглянула на Леену. Та смотрела в сторону бабуина и львят. Смотрела совершенно спокойно. Я тоже еще раз внимательнее взглянула в ту сторону. И уперлась во взгляд обезьяны. Без сомнения он видел нас с Лееной. И знал кто мы. И что произойдет, если он навредит хоть одному из львят. И все равно не убежал.

От этого на душе скреблись кошки. Большие такие, пусть не львы, но какие-нибудь леопарды точно. У вас на душе когда-нибудь скреблись леопарды? Нет? Тогда можете сказать с уверенностью, что вы очень уравновешенное животное. Я теряла остатки терпения и уже готовилась броситься на помощь львьятам, когда ситуация разрешилась сама.

Нобель прыгнул на бабуина. Вернее сказать, Нобель прыгнул в сторону бабуина. Когда он приземлился, обезьяны и след простыл. Бабуин уже восседал на одной из веток акации, вне досягаемости львят. Львята, расстроенные тем, что упустили добычу, рычали и прыгали на толстый ствол. Но, к их сожалению, и к радости многих обитателей саванн, львы плохо лазают по деревьям. Долго провисеть на коре акации у них не получалось.

И раз за разом с воплями неудовольствия они съезжали вниз. Их обидчик снисходительно посматривал из своего убежища то на львят, то на нас с Лееной. Он с честью вышел из положения, но ему явно хотелось преподнести львьятам урок. Это чувствовалось даже на таком расстоянии. Недолго думая, бабуин поднял заднюю лапу. Львят с дерева моментально смыло и в прямом и в переносном смысле. «Эффектно», – усмехнулась я про себя. Только вот львят теперь придется отмывать. Но это уже не моя забота, а их родителей. Которые, кстати, могли бы получше присматривать за своими детьми.

Успокоившись, я снова устроилась рядом с Лееной.

– Да уж, их еще учить и учить, – сказала я, продолжая прерванный разговор.

– Тебя тоже. – Это звучало оскорбительно, но я решила промолчать. – Сегодня нам опять пора на охоту. Ты участвуешь.

Леена поднялась со своего места.

– Я бы предпочла остаться. – Меньше всего мне сейчас хотелось на охоту.

– Я не спрашиваю. Я сообщаю. – Голос Леены звучал жестко. Она не сообщала. Она приказывала. – Ты же знаешь времена сейчас голодные, охоты не так удачны, а ты у нас лучшая, первая во всем. . . , – она снова усмехнулась. – Это не дает тебе никаких преимуществ, это только накладывает ответственность. – Последний раз взглянув мне в глаза, Леена развернулась и пошла вниз к братьям. Что тут скажешь. Победа в словесном поединке на этот раз осталась за ней. И как ни неприятно это признавать, она была права.

– Хорошо, я поняла, мама, – тихо ответила я ей вслед. До вечера у меня будет время подумать над ее словами: «Талант – не преимущество, а ответственность». Интересная идея.

Глава 2. Охота

На этот вечер мы избрали жертвами стадо антилоп-импала. Такова традиция: перед каждой охотой прайд собирается вместе и решает, какое животное станет сегодня нашей жертвой, а мимо кого мы пройдем равнодушно. Как говорит Леена, порядок был заведен богами очень давно для поддержания равновесия в мире. Хотя никто не мог запретить нам каждый день выбирать одних и тех же копытных, наш прайд беспрекословно следовал правилу.

Не могу сказать, что импала – мои любимые жертвы. Они прекрасно бегают и очень хорошо умеют уклоняться от наших бросков, но все же они лучше своих сородичей – антилоп гну, да и водяных козлов тоже – эти могли надолго отбить желание охотиться ударом задних копыт, а импал защищали лишь быстрые ноги и маленькие рога.

Выбор легкой добычи объяснялся первым полноценным участием Аслы в облаве. Решалась судьба молодой львицы, будущей добытчицы, и Леена, как мудрая глава прайда, сделала все, чтобы охота сложилась успешно. И подобрала идеальное место – круглое пастбище с высокой пожелтелой травой, обрамленное редкими деревьями, словно специально предназначалось для таких хищников как мы. Чуть поодаль высился огромный серый камень, копия валуна, возвышавшегося на холме там, где прайд любил проводить дневное время.

На теплой поверхности камня удобно расположились мы с Лееной, пока остальные участники охоты осматривали пастбище. До охоты оставалось еще достаточно времени. Солнце лишь близилось к закату, небо темнело, облака подернулись розовым светом, но до сумерек было ещё далеко и жара пока не ослабла. И животные, в том числе и стадо импал, мирно паслись недалеко от неглубокой реки слева от нас, ближе к горизонту.

Спать мне не хотелось, разговаривать с матерью тоже, поэтому ничего не оставалось, кроме как лениво рассматривать будущих жертв. Стадо определенно не подозревало, что именно на них пал выбор нашего прайда. Мне на глаза попался одинокий самец антилопы, пасущийся вдали от товарищей, ближе к реке. Не самое разумное поведение. Травоядные должны держаться вместе, что защищаться от нас, хищников.

Как будто в подтверждении моих мыслей, недалеко от самца импалы появился силуэт львицы. Хищница, почти распластавшись, ползла под защитой кустарника и высокой травы. В ее движениях чувствовался опыт матерой охотницы: мышцы напряжены, взгляд устремлен на жертву. Я с удивлением поняла, что передо мной Ленесса. Странно, ведь совсем недавно я видела ее играющей с львятами. Кстати, а где собственно троица шалопаев? Поблизости я их не видела. А оставлять их одних, особенно младшенького Диво, без присмотра – верх неосторожности.

Для себя я еще не решила, что неприятнее: пыльная буря или непоседливый малыш, носящийся около меня кругами. По всей видимости, Ленесса спрятала их в укромном месте, а сама отправилась на охоту. Но разве это не противоречило нашим планам? Я взглянула на Леену. Та невозмутимо смотрела в сторону сестры и слегка улыбалась, хотя улыбку на львиной морде не так-то легко заметить.

Тем временем неосторожный самец импалы поднял голову и нетерпеливо повел ушами. Добыча забеспокоилась, хотя пока не замечала хищника. А вот я по опыту понимала, что зверь уже обречен: позади густой кустарник, сбоку река и бегство невозможно. Львица находилась уже в нескольких шагах от жертвы.

Самец антилопы слишком поздно заметил опасность. В высоченном прыжке он попытался перескочить через львицу, но та извернулась и схватила зверя за плотку, когда копыта импалы коснулись земли. Животное упало на бок, горло оказалось зажато в пасти громадной кошки. Но, к моему великому удивлению, львица выпустила жертву. Я снова в растерянности

посмотрела на Леену. Сомнений не осталось – моя мать улыбалась, словно предвкушала что-то хорошее.

Тут в поле моего зрения появилась троица львят, прыгающих по траве. Один из них, скорее всего, Диво, подражая матери, бросился на горло импалы и сделал вид, что пытается задушить ее своими крохотными зубками. Двое других кусали антилопу за заднюю ногу. Самец оставался в сознании, глаза блестели в закатном солнце, хотя лежал он неподвижно, не реагируя на атаки львят, за которыми следил бдительный взгляд мамыши.

Мне вспомнилось мое детство, первые попытки научиться охотничьим приемам под таким же пристальным и суровым взглядом Леены. Но тогда преследование добычи казалось веселой забавой, игрой. Сейчас же вид Ленессы, обучающей молодняк премудростям охоты, не вызывал у меня улыбки.

Неожиданно самец импалы вскочил, сбрасывая с себя пушистые комочки. Детеныши откатились в траву. Но львица не отпустила добычу далеко, настигла ее и мощным ударом лапы свалила обратно на землю. Львята снова бросились вперед, стали кусать антилопу за ноги и бока. Оглушенное животное больше не двигалось и, похоже, не замечало острых коготков, глубоко вонзившихся в заднюю ногу. Никакой дрожи, стонов и хрипа, никаких попыток сопротивляться мучителям.

Именно покорность и раздражала меня больше всего в охотах. Почему животные, назначенные стать жертвами, если и пытаются спастись или хотя бы защититься, то только для вида? А на самом деле спокойно ждут своей участи. Теряется вся прелесть охоты, пропадает азарт. А что за охотник без азарта? Мы, львы, теряем хищную сущность и все из-за кротости наших жертв. Сколько раз я говорила об этом Леене, но она всегда отговаривалась одним «так устроен мир». Однако я никогда не соглашалась. И то, что я видела сейчас, больше походило на бессмысленное, жестокое унижение, чем на жизненную необходимость. А вот Леена удовлетворенно улыбалась. Пожалуй, именно из-за безразличия моей матери и остальных старейшин, мне пришлось в голову самой вразумлять потенциальных жертв, как молодого буйвола Тауро.

Прошло довольно много времени с момента первой атаки на импалу. Мне казалось, что с антилопой покончено, когда, собрав последние силы, самец снова вскочил и, благодаря тому, что львица расслабилась, любясь своими храбрыми, сильными львятами, смог перескочить через реку и помчаться вдаль. Как известно кошки недолюбливают воду, вот и Ленесса не решилась пересечь неширокую водную гладь. Добыча оказалась упущена. Я чувствовала себя так, словно силой отобрала улыбку у Леены, пусть прайд и лишился лишнего куска пищи.

С сердитым видом Ленесса шлепками подтолкнула львят в сторону появившегося вдали Амбесса. Братья не принимали участие в сегодняшней охоте, впрочем, как и в большинстве остальных. Им как обычно выпала роль няnek, пока взрослые львицы прайда добывали пищу на ближайшие несколько дней.

Пока я наблюдала за обучением молодняка солнце склонилось к закату. Подступающая темнота означало, что нам пора заняться тем, за чем мы собственно сюда и пришли. Леена осталась на наблюдательном пункте, а я спустилась на пастбище. Как мы и планировали, стадо антилоп медленно продвигалось в нашу сторону. Не менее двух десятков особей разного пола и возраста спокойно пощипывало траву неподалеку от нас. Охотницы уже вздрагивали от нетерпения на своих местах, расположившись по краям пастбища.

Эрслэн и Лёвин прятались на двух противоположных концах поляны. В случае, если стадо заметит нас раньше времени и начнет метаться из стороны в сторону, они смогут вернуть их в нужное нам направление – на Аслу. Та расположилась прямо по центру, там, где, скорее всего, побегут импалы. Место ее матери, Леонессы, было чуть позади основной группы львиц. Так Леонесса могла давать советы дочери и страховать ее, если что-то пойдет иначе, чем мы планировали.

Я сама решила залечь в засаде поодаль от соплеменников. Раз я осталась в запасе, значит не стоит без необходимости торопиться вперед. Особого желания принимать участие в сегодняшней охоте у меня не появилось. Но если дела у остальных пойдут неважно, и мы окажемся перед безрадостной перспективой лечь спать на пустой желудок, я постараюсь помочь. Если же все пройдет хорошо, то я последую примеру матери и просто понаблюдаю за Аслой и остальными.

Все ждали условного знака от Леены, а она оставалась неподвижной и лишь внимательный взгляд выдавал напряженное ожидание. Наконец, когда хищницы расположились на своих местах, Леена медленно наклонила голову, отдавая команду к началу охоты. Эрслэн и Лёвин, синхронно поднялись и стали стремительно приближаться к антилопам. При виде львиц в стаде началась паника, и животные бросились врассыпную. Этого нельзя было допустить. Но львицы хорошо знали свое дело. Быстро разбежавшись по сторонам, они начали сбивать животных ближе друг к другу и гнать их на Аслу. Чем больше животных пробегут мимо нее, тем больше шансов, что ей удастся схватить невезучего зверя. А там подоспеют и остальные участники охоты, помогут удержать добычу. Тактика таила в себе толику опасности – молодая неопытная львица могла растеряться и начать метаться от одного зверя к другому. Но я искренне надеялась, что Асла справится и с волнением, и с добычей, в конце концов дебютантку можно назвать и моей ученицей тоже.

Все шло по намеченному плану. Мимо меня в сторону Аслы проносились антилопы. Ни одна из них не приблизилась на расстояние, достаточное для атаки. Я уже собралась заскучать, как вдруг одна из импал резко сменила направление, отделилась от стада и, промчавшись в двух шагах от меня, поспешила прочь в саванну. Неожиданно мной овладело желание непременно ее догнать! Вскочив с места, я бросилась в погоню. Я поступила против обычаев, но страстный порыв оказался сильнее.

Я не разбирала пути и видела только силуэт антилопы на фоне закатного неба. Горячий ветер обдувал влажную шерсть, не принося прохлады. Небольшие песчинки и пыль, выбиваемая из-под копыт моей жертвы, слепили глаза, попадали в открытую пасть, не давали дышать. Но препятствия не останавливали меня. Я почувствовала азарт охоты.

Такое случалось нечасто. Обычно охоты проходили без особых сюрпризов, животные словно заранее знали, что обречены, и даже не пытались ускользнуть. Они покорно изображали жертв, лениво пытались скрыться, но не бежали стремглав из последних сил. Отчаянные (или отчаявшиеся?) животные, как та импала, что сейчас пыталась спастись от меня, встречались очень редко. Что же в ее жизни такого ценного, что антилопа неслась вперед быстрее ветра? И есть ли у меня право отнимать это ценное?... Я не успела предаться привычным размышлениям, вскоре меня переполняла одна-единственная мысль, одно-единственное желание – догнать, во что бы то ни стало. Догнать! Расстояние между нами не сокращалось. Догнать! Импала ловко лавировала между кустами и легко уносилась вдаль. Догнать! Силы уже на исходе... Камень! Острый осколок вонзился между пальцами, и теперь резкая боль пронзала правую лапу при каждом соприкосновении с горячей землей. Каждый вдох отзывался болью в груди. Обжигающий воздух заставлял вдыхать реже, а быстрый бег принуждал дышать чаще и чаще. С каждым шагом мои лапы все отчетливее чувствовали неровности на поверхности земли, словно я бежала в облике человека.

Чем сильнее я уставала, тем отчетливее в голове звучал вопрос «зачем?». Зачем мне все это нужно? Прайд, скорое всего, поймал по меньшей мере одну из антилоп, оставшихся на пастбище. На некоторое время пищи хватит. А потом мы снова пойдём на охоту, и она снова будет удачна. Как и всегда. Наверное, именно «как всегда» упорно вело меня вперед. Безумная, изнуряющаяся погоня вносила разнообразие в унылую жизнь. Боль в лапах подсказывала, что все по-настоящему. Я глубже вдохнула горячий воздух и побежала еще быстрее, словно за

моей спиной выросла пара крыльев, позволяющих мне взмывать над землей. И боль в лапах ненадолго ослабла.

Расстояние между нами заметно сократилось. И тут я заметила впереди отвесную стену с небольшой расселиной. Оказывается, мы успели добежать до границы саванны в гористую местность. Самих гор еще не было видно, но вокруг нас были высокие холмы, выше любого дерева. Если антилопа решит забежать в расщелину, то потеряет преимущество в маневренности. Я же смогу использовать свою скорость. Если к тому времени у меня останутся силы. Импала скорее всего сделала те же выводы, но похоже, несмотря на легкость бега, сил и у нее осталось не слишком много. Спасая свою жизнь, она неслась на инстинктах, не разбирая дороги. Возможно, надеялась укрыться в расщелине, найти место, где я не смогу её достать. Добыча свернула в пролом. Я последовала за ней.

Расщелина оказалась не такой узкой, как мне показалось издали. Здесь было прохладней и, несмотря на валуны, щедро разбросанные вокруг, бежалось легче. Хотя удерживать скорость не удавалось. Приходилось прыгать с камня на камень в перерывах между короткими перебежками. Казалось, прыжки и скачки проще для антилопы, чем для львицы, однако скорость импалы определенно снизилась. Копыта скользили по камням, а тонкие ноги подкашивались.

Я решила, что пора заканчивать наш сумасшедший бег. Впереди, по правую лапу, виднелся высокий камень. Антилопа обогнула его слева, и я решила использовать этот шанс. Ускорив бег, я взлетела на вершину валуна и прыгнула, расправив лапы с длинными когтями. Лишняя боль – ведь я хотела просто сбить ее с ног, но охотничьи инстинкты сработали, не спрашивая разрешения у рассудка. Не услышав за спиной шагов и почуввав неладное, антилопа оглянулась. Огромные глаза импалы выражали страх. На какое-то мгновение я увидела в них свое отражение. Неясная тень на фоне закатного солнца, закрывающая полнеба. Ужас загнанного животного. Я отчетливо ощутила всю бесполезность охоты. Что она мне дала? Лишнюю пищу? Но наш прайд не голодал в отличие от других. Радость охотника, который одолел жертву? Но стоило ли ради секундного блаженства так пугать и загонять животное?

Я хотела остановиться, но опоздала. Я на полной скорости врезалась в антилопу и, не удержавшись на спине жертвы, перелетела через нее и покатила по земле. Тормозить к моему неудовольствию пришлось головой, спиной, задними лапами, снова головой, загревком. Хвост словно попал под каменную лавину. Наконец я окончательно остановилась и без сил повалилась набок. В этот момент мне было абсолютно все равно, что происходит вокруг. Что случилось с антилопой, как сильно ей досталось, а досталось ей, скорее всего, хорошо. Больше всего на свете я хотела, чтобы она встала и ушла, пока я лежу среди камней и истекаю кровью. Болело все: и лапы, которые раньше так долго не бегали по камням, и легкие, которые надышались обжигающим воздухом саванны, и голова, которой я тормозила. Болели даже те места моего организма, которые, по моему скромному мнению, вообще не способны болеть.

Сколько я так пролежала – ни малейшего понятия. Несколько раз я теряла сознание или проваливалась в болезненный полусон. Все, чего я хотела – лежать так и дальше. Жестко, зато ссадины обдувал живительный ветерок. Тем не менее, я собралась с силами и поднялась. Лапы предательски дрожали. Может, передвигаться лучше в человеческом облике? На проверку, впрочем, сил тоже не оставалось.

Я огляделась. Антилопа лежала на том же месте, где я сбила её с ног. Она не двигалась. И выглядела весьма скверно. Я подошла ближе. По спине антилопы тянулось восемь длинных кровавых рубцов. Как же так? Я ведь убирала когти. Хотела убрать... Я опустила глаза и посмотрела на лапы. На когтях и шерсти виднелись бурые разводы. Видимо не успела. Но не это тревожило меня сильнее всего.

Вокруг головы животного на камнях набралась неприятного вида лужица крови. Тем не менее, антилопа дышала. Ее грудь медленно поднималась и опускалась. Я так и стояла над ней,

не зная, что сделать, чтобы помочь. Нужно позвать на помощь, но кого? Я не знала ни одного зверя, кто бы мог излечить такие раны, даже если бы захотел. Да и тех, кто бы просто захотел помочь, я тоже не знала.

Тут к моему удивлению подошли члены прайда. Все, кто участвовал в охоте, кроме Леонессы, которая, наверное, осталась с малышами, да еще оба брата стояли сейчас передо мной в человеческом облике. Я смотрела на них снизу вверх и не могла понять, что мне сейчас скажут.

Убийства и смертельные ранения, даже на охоте, случались очень редко, хотя и не запрещались законом богов. Просто убийство противно сущности любого уважающего себя хищника. Охотиться – да, ловить – да. Убивать – нет.

По крайней мере, так считала я. И сейчас я не могла разобраться от чего меня тошнит больше: от содеянного или от сильной боли в голове.

– Нала, ты молодец, – сказала Леена и, наклонившись над антилопой, сняла зеленый браслет с ее правой передней ноги. – Мы боялись, что не сразу найдем тебя. Ты так стремительно убежала.

С этими словами Леена пристально оглядела меня и, опечаленно покачав головой, добавила:

– Пойдем, обменяем браслет.

Она развернулась и направилась к выходу из ущелья. Я тупо уставилась в спину Леены. Может у меня что-то со слухом? Она же не могла сказать того, что сказала. Ну, конечно же, я ослышалась, ведь остальные члены прайда никак не отреагировали на ее слова. Они ведь не могли согласиться с тем, что я – молодец. Не сейчас... Но львы и львицы спокойно развернулись и направились вслед за Лееной.

– А импала? – Я все-таки пыталась найти смысл в действиях моей матери.

– Что импала? – Леена с видимой неохотой остановилась и посмотрела мне в глаза. При чем сказала эту короткую фразу с такой интонацией, что я перевела взгляд на окровавленную, с трудом дышащую антилопу. От вида жертвы меня еще сильнее замутило.

– Она тяжело ранена...

Никакой реакции. Ни один мускул не дрогнул на мордах моей семьи. Только по виноватым глазам Аслы получалось догадаться, что она плохо верит в происходящее и старается как можно меньше смотреть на антилопу, хотя зрелище кровавых ран словно притягивало взгляд. Ее можно было понять, но вот поймет ли она меня? Единственное, что я смогла выдать в свое оправдание, оказалось банальностью:

– Я не хотела. Так вышло.

Но на эту мою реплику ответила отнюдь не Асла. Мне показалось, что она меня даже не расслышала. А вот голос Леены прозвучал на редкость резко:

– Ты не должна оправдываться. Ты была на охоте. Ты – хищник, она – жертва. Таково ваше предназначение: и твое, и ее.

Демонстрируя, что с очевидными аргументами не поспоришь, все опять повернулись к выходу. Но я не собиралась сдаваться. Собрав остатки сил, я попыталась повысить голос и крикнула им вслед.

– Подождите! После того как мы обменяем браслет, она потеряет память. И когда очнется здесь, не поймет, кто она и что произошло. Никого из ее стада рядом не окажется. Может случиться что угодно!

Последнюю фразу я уже произносила почти шепотом, медленно оседая на камни. У меня появилось ощущение, что один из валунов, которые валялись вокруг, лежал на моих плечах и давил вниз. И встать с таким грузом – невозможно. «Случится, что угодно...», – эхом отозвалась моя же фраза, – ... и что бы ни случилось, виновата я». Камень на душе становился все тяжелее.

– Это не наша забота, Нала. Кто-нибудь ее найдет, – бросил через плечо Амбесс.

– Еще один хищник? – я пыталась достучаться до их здравого смысла, но получалось плохо.

– Сама знаешь, что пока у нее нет браслета, нападать на нее нельзя, да и нет смысла. А браслет не появится, пока она снова не придет в норму.

– Она не придет в норму, если мы ее бросим!

Мой голос зазвучал сильнее и прайд вновь обернулся ко мне. Леена даже сделала несколько шагов в мою сторону, но сказала совсем не то, на что я уже начинала надеяться.

– Нала, я ни разу не корила тебя за беседы с нашими потенциальными жертвами, хотя и не одобряю их. Но твой поступок переходит всякие границы.

В голосе Леены я почувствовала угрозу – редкая интонация. Нет, она угрожала мне не физическим наказанием, но суровый тон намекал на возможное охлаждение в отношениях между мной и всем прайдом. Пусть это было трусостью, но такой поворот меня совсем не устраивал и я сдалась.

– Хорошо, – выдавила я из себя.

Леена удовлетворенно кивнула и пошла к остальным членам прайда, добавив по пути:

– Превращайся.

Таков обычай: к Кормушке мы обязаны были приходиться в облике людей, показывая тем самым, что перед богами мы равны и неотличимы друг от друга. И как бы болезненно ни протекал процесс для израненной плоти, мне пришлось тоже преобразиться. Я почувствовала знакомый жар, но сегодня он был обжигающим и неприятным. Мне казалось, что и боль сжалась, сконцентрировалась вместе со мной. И если огромная львица, которой я была несколько мгновений назад, остро чувствовала как саднят и ноют ушибы и ссадины в разных частях тела, то теперь страдание стало едва выносимым и заполнило меня целиком.

Правая рука выглядела сквернее всего. Ей теперь можно смело было пугать маленьких львят и приводить в пример, когда рассказываешь, чего ни в коем случае нельзя делать во время охоты. Даже не знаю, что меня больше напугало – глубокий порез на ладони, сеть царапин и ссадин, от которых не спасла даже вторая кожа или иссиня-лиловые кровоподтеки на ней. Да и все остальное тело оставляло желать лучшего. Сейчас я больше всего походила на исцарапанного хамелеона, забравшегося на сливовое дерево.

Пальцы еле сгибались, принося резкую боль, я едва не теряла сознание. Оставалось надеяться, что ничего у меня не сломано. Конечно, прайд не даст мне умереть с голоду, но очень не хотелось становиться обузой в тяжелый засушливый сезон. Самостоятельно я смогу охотиться не скоро, даже если все многострадальные кости целы. Лучше всего сейчас было бы устроиться на ночлег в каком-нибудь прохладном месте и ждать, когда все царапины и порезы затянутся сами. В этом преимущество львов. Недаром говорят, что на нас все быстро заживает. Но приходилось соблюдать традиции и отправляться искать ближайшую Кормушку.

Кое-как, прихрамывая, я подошла к своим. Стараясь не шевелить правой рукой, левой я взяла браслет, который протягивала Леена. Вот уж дурацкое правило: сама поймала, сама и забирай. Но выхода у меня не оставалось, лишняя ссора с матерью мне сейчас ни к чему. Поэтому я побрела из ущелья навстречу густеющим сумеркам.

Слава богам, Кормушки были расположены близко друг от друга, так что стоя у одной вдаль можно было бы разглядеть еще как минимум две или три. Если бы пришлось еще и бродить в темноте в поисках заветной конструкции, ночь закончилась бы для меня плачевно. Зрение в человеческом облике, не шло ни в какое сравнение со зрением львов, прекрасно ориентирующихся даже в темноте. Превратиться обратно во льва даже для того, чтобы отыскать Кормушку, сил не было никаких, поэтому я благодарила богов за то, что сумерки еще не перешли в ночь. И точно, пройдя немного вперед, невдалеке, на соседнем пригорке, я увидела светящийся на фоне темного неба Куб.

Ни говоря не слова, мы приблизились к месту. Хотя процедура давно превратилась в привычку, я приходила в подобные места раз в два-три дня, но не переставала удивляться чуду богов. Ничего подобного в нашей долине не было, да и в местах обитания других животных. Кормушка, думаю, остается самой странной, необычной и чудесной вещью, созданной богами. Ни одно животное или птица, рептилия или насекомое, дерево или куст, камень или облако не имели столь совершенных и правильных форм, чем сооружение, которое сейчас предстало перед нашими глазами.

Куб доходил мне где-то до талии. В длину и ширину он был одинаков, по крайней мере, самые умные из нас говорили, что если положить Куб на бок, то ничего не изменится. Но конечно никто не осмеливался проверить. Стенки Куба казались почти прозрачными, как струи реки в сезон дождей, сквозь них было видно все, но искаженно, как сквозь озерную воду. Трава и небо приобретали странные формы, изгибались так, как никогда не могли изогнуться в жизни.

Помню, когда я была маленькой, я могла целыми сутками пытаться повернуть травинку так, как я ее видела через Куб. И каждый раз, когда я была уверена, что у меня получилось, и травинка в моих руках выглядит точь-в-точь как виденная через Куб, меня ждало разочарование. Я клала обе травинки вместе, возвращалась к своему месту на другой стороне Куба, с надеждой смотрела сквозь него и каждый раз расстраивалась. Мои мучения прекратила Леена, застав меня однажды ревушей рядом с Кубом. Доходчиво объяснив мне, что никто не смеет пытаться повторять творения богов, и, закрепив объяснение парой шлепков огромной лапой, она запретила подобные развлечения.

Леену я всегда слушалась, по крайней мере, пока была маленькой, поэтому больше ни разу не подходила к Кубу ради игры. Но поскольку стенки Куба очень похожи на воду, я продолжила изыскания с водой. И здесь меня ждала неудача. Наверное, Леена была права, в любом случае развлечение мне скоро надоело, и я больше не играла с травинками. Хотя вопрос, почему мир выглядит необычно через стенки Кормушки, волновал меня до сих пор.

Куб всегда, в любую погоду, даже в самый зной, оставался чуть прохладным. И сейчас, когда мы, наконец, приблизились, я едва поборолла желание обнять конструкцию, прикоснуться всей кожей, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Но вряд ли прайд оценил бы такой поступок, и я смогла себя сдержать. Сама процедура выглядела очень простой. Я подошла к Кубу и прикоснулась левой рукой к его верхней поверхности. Пластина замерцала удивительным синеватым светом, который не встречается больше нигде в природе и исчезла. Я медленно опустила браслет ближе к центру. Через мгновение я почувствовала, как он выскользывает из пальцев и вытащила руку из Куба. Браслет так и остался парить в середине Кормушки. Еще через мгновение он исчез.

В этот момент мне впервые вспомнилась антилопа, о которой я позабыла по пути сюда, занятая собственными болячками и переживаниями. Ведь как гласит закон, в тот момент, когда браслет исчезает в Кубе, у жертвы стирается память от самого рождения. Таково наказание за то, что тебя поймал хищник. И новый браслет не появляется до тех пор, пока животное не станет снова самостоятельным, пока не научится всем особенностям жизни своей стаи или стада. На восстановление у всех уходит разное количество времени, но на лишенных браслета животных охотиться запрещено, да, в общем-то и бесполезно. Хотя память не возвращается, животное строит новую жизнь благодаря заботам своего рода. Но кто позаботится об антилопе? Кроме нас никто не знает, что она лежит раненая в ущелье, в которое редко забредают звери. Тем более никто из ее стада, ведь пастбище импал находится довольно далеко отсюда.

Тут меня осенила идея. Антилопа с самого начала повела себя необычно. Те животные, которых мы намечаем в жертву, только делают вид, что сопротивляются. Они предпочитают потерять память, чем получить увечья во время охоты. Порядок вещей заведен богами, и кто они такие, чтобы что-то менять? Именно с безразличным отношением к нашей миссии охот-

ников и жертв я безуспешно борюсь вот уже несколько сезонов. А вот антилопа нарушила традиции. Она действительно пыталась убежать. Убежать от страха. От страха за что? Она не могла знать, что тяжело пострадает, спасаясь от погони. Такое случилось не просто редко, а очень редко. Единственное что она могла потерять – память. Память о чем? Вопросы снова захватили меня, но показывать кому-либо, особенно Леене, свою озабоченность я не собиралась. Ни сейчас, ни потом.

Выполнив положенное, я отошла в сторону, чтобы Асла могла повторить ритуал с первым в ее жизни самостоятельно добытым браслетом. Она медленно приблизилась к Кормушке. Я видела, как дрожит ее рука, дотрагиваясь до поверхности. Я прекрасно понимала ее страх. Сейчас я все сделала не задумываясь, а в самый первый раз меня тоже охватил страх – что произойдет, если Куб не послушается меня и не откроется? Вот позор для меня и моего прайда! И хотя о таких случаях никто никогда не слышал, думаю каждый, кто первый раз прикасался к чуду богов, испытывал подобный страх. Но Куб всегда открывался. Вот и сейчас он послушался мою сестру так же, как и меня, мгновение назад.

Нам оставалось только ждать, пока Куб решит, что нам положено за сегодняшние трофеи. Ждать пришлось недолго, но результат меня огорчил, хотя я и ожидала его. Удивление мне отчасти удалось скрыть, лица же других членов прайда выражали недоумение, плавно переходящее в неудовольствие.

А вот неудовольствие перед богами показывать никак нельзя, поэтому Леена поспешила прервать затянувшееся молчание:

– Ничего, зато нести легче, путь нам неблизкий предстоит, да и Нала нам сейчас не помощник. Так что, что ни делается, все к лучшему.

«Да, уж, – подумалось мне, – легче нести – это точно». Утешение весьма сомнительное. И в самом деле, пищи за два браслета дали немногим больше, чем в прошлый раз, когда браслет был всего лишь один. Но ничего не поделаешь, каждую засуху количество пищи сокращалось. «Только не такими темпами», – я не смогла удержаться от крамольных мыслей.

Что бы мы ни думали, а другого выхода, кроме как забрать положенную нам пищу и отправиться обратно к остальным членам прайда, у нас не оставалось. Братья взвалили на себя свертки из больших банановых листьев, и мы отправились домой.

Обратная дорога запомнилась мне очень плохо. Не могу сказать, долго ли я так ковыляла, упершись взглядом в спину Леены, чтобы не упасть. Каждый шаг давался с трудом. Меня пошатывало из стороны в сторону, ноги подкашивались, я спотыкалась о каждую кочку. Но посмотреть вниз не могла. Я была абсолютно уверена, что едва я оторву взгляд от спины матери и посмотрю на землю, как тут же окажусь на этой самой земле, уткнувшись в нее носом. Несмотря на всю хваленую кошачью изворотливость, перевернуться хотя бы на бок я не успею. Не знаю, была ли я права в своих предположениях, но проверять не хотелось. Поэтому я оторвала взгляд от спины Леены только когда мы подошли к месту ночевки и меня заботливо усадили под раскидистое дерево.

Так, закрыв глаза и не двигаясь, я просидела довольно долго. Рука болела невероятно, но я уже свыклась с этой болью и думала о ней как-то отстраненно. Не она отнимала у меня остатки сил. Это взяла на себя не менее сильная боль в голове. Именно она раздражала меня сейчас больше всего. Тупая, пульсирующая в висках, от которой сводило челюсти и закладывало уши. От малейшего движения головы меня начинало подташнивать. Больше всего мне хотелось просто лечь и заснуть, но боль в руке не позволяла менять позу.

Чтобы как-то отвлечься я открыла глаза. Небо напротив меня было густо-синего цвета. Справа и слева разгорались первые звезды. Ночь обещала быть темной. Луны не было и вчера, не будет ее и сегодня. Именно такие ночи я люблю больше всего, когда ничего, даже слабый свет тонкого месяца не заслоняет звезды, не мешает наслаждаться ими. Наверно, это самое красивое

и загадочное зрелище на свете, после Кубов. Вид медленно преобразующегося звездного неба так захватил меня, что я почти забыла о боли.

Напомнила Леена, которая подошла ко мне с большим банановым листом в руках и заслонила звездное небо. Мне пришлось сфокусировать на ней взгляд и очень сильно постараться понять, что она говорит.

– Нала, тебе нужно поесть, чтобы восстановить силы, – ласково произнесла она.

– Я не хочу, – каким-то чудом я выдавила из себя ответ.

– Восстановить силы необходимо. Посмотри, нам дали и твои любимые шарики, – мама протянула мне лист, на котором лежали несколько желтых шариков. Очень редко среди синих, красных, зеленых, оранжевых шариков встречались желтые, а еще реже белые. Но именно они мне нравились больше всего. Но сейчас от одного вида еды меня еще сильнее замутило.

– Пить. Лучше дай воды, – выдавила я из себя почти бессознательно и в тот же момент поняла, как сильно я измучена жаждой. Долгий бег по жаре и пыль из-под копыт зверя, которой приходилось дышать, иссушили горло так, что язык буквально прилипал к небу и еле ворочался.

– Мы отправили братьев к реке. Скоро они вернутся, и ты сможешь попить.

Неожиданно голова закружилась и сознание покинуло меня. Что происходило дальше, я помню плохо. Видимо меня напоили, так как я больше не чувствовала жажды. Видимо меня перевязали, так как моя правая рука оказалась спрятана под тугой массой больших мягких листьев и больше не болела. Понять где я, удалось только к полудню следующего дня, когда я смогла выбраться из глухого небытия. Остальные члены прайда лежали вокруг, пытаюсь скрыться от парящего солнца в жидкой тени деревьев. Насколько я могла судить со своего места, весь прайд мирно спал. А вот мне больше спать не хотелось.

Боли я действительно почти не чувствовала, но я и не двигала пока ничем кроме головы. И хотя мне очень не хотелось расплачиваться за свое любопытство, я решила наконец-то встать. Очень медленно я поднялась на ноги и потянулась. Мышцы выразили недовольство, но я смогла с ними договориться. Есть мне все еще не хотелось, но, вспомнив вчерашние слова Леены, я решила немного подкрепиться. Взяв сразу три шарика, даже не взглянув на цвет, я положила их в рот и стала усердно пережевывать. Шарик стали теплыми от жары и, судя по вкусу, не предназначались для смешивания. Однако я сомневалась, что сейчас даже мое любимое блюдо принесло бы мне больше удовольствия. «С таким же успехом могла и травы пожевать», – подумала я. Тем не менее, в животе образовалась приятная сытость. Запив нехитрый завтрак, хотя может быть уже и обед, теплой водой из соседнего листа, я решила, что в общем здорова. И тут я вспомнила об антилопе.

Не то чтобы вчерашние переживания вернулись, но однажды придя в голову, мысль уже не хотела меня оставлять. «Забудь, это не твоя забота, – я искренне пыталась себя отвлечь. – Ты хищник, в конце концов. Ты имела полное право поступать так. К тебе нет никаких претензий. Может стадо импал уже нашло её. И потом, антилопа сама забежала в то ущелье. Может там у неё любимое укрытие и стадо про него знает». Чем больше я пыталась себя успокоить и отвлечь, тем яснее понимала, что попытки самооправдания – полная чушь и антилопа до сих пор лежит в ущелье, если только не очнулась и не вышла оттуда сама. А в это верилось с трудом.

Оглянувшись вокруг и убедившись, что прайд спит и не заметит моего ухода, я решила прогуляться к ущелью. Самочувствие со скрипом, но позволяло такую прогулку, а статус несовершеннолетней давал возможность пройти к ущелью в облике человека, ведь как бы я себя ни чувствовала, трансформироваться я не решилась.

Дорога оказалась непростой. У меня перед глазами то и дело вставали детали погони, хотя, казалось, помнить я их просто не могла. И в самом деле, почему запомнился мимолетный взгляд жертвы? В пылу погони я видела только смутный силуэт в пыльном облаке в нескольких шагах перед собой. Но взгляд остался в памяти. Он был полон тревоги и страха. Что её

могло напугать? Жизни её ничто не угрожало, единственное, что она теряла – память. Ради каких воспоминаний импала решилась на столь отчаянный бег? И есть ли в моей жизни что-то, заслуживающее столь отчаянной защиты?

Я не знала, существует ли ответ на последний вопрос. Что ценного в моей жизни? Самый простой ответ – мама, сестра, другие члены моего прайда. Но даже, если я когда-нибудь лишусь памяти, они все равно будут со мной. Друзья? Я замедлила шаг, поняв, что близких друзей у меня нет и никогда не было. Любовь? Большой любви в моей жизни тоже еще не случилось. У антилопы она могла быть, но ради чувства рисковать жизнью? Этого я понять не могла. К тому же, разве потеря не испытание для чувств: если память уйдет, а любовь останется, ну или вернется – тогда ты точно поймешь, что она настоящая. Значит, антилопа поступила просто глупо. Но отчаяние, которое я видела в ее глазах, говорило мне об обратном. «Ладно, – решила я сама с собой, – надо будет просто спросить у нее самой».

За размышлениями, я не заметила, что вольно или невольно далеко обогнула место нашей вчерашней охоты, словно боялась чего-то. «Да не чего-то. Я боюсь вернуться на то место, где начала преследование! Мнительная трусиха! В конце концов, я – царь зверей! То есть царица. Лев – первый среди зверей, а я – первая среди львов, не считая Леены. Нечего мне церемониться». Внутренняя борьба гордости и совести выводила из себя.

Решение проблемы родилось само, словно мне его подсказали, и я уверенно направилась на пастбище. Несмотря на жару, здесь было довольно оживленно. Невдалеке паслось стадо антилоп, может быть она и не принадлежала к нему, но в любом случае травоядные могли помочь. Стараясь не делать резких движений, я направилась к антилопам. Я была уверена, что животные давно заметили меня, но в сторону не шарахались. Странное дело. И тут до меня дошло, что для них я сейчас некто в облике человека. Такое зрелище редко встретишь днем, вне своего круга, и они просто не знали, как реагировать. В таком виде я не представляла для них угрозы, и даже если бы начала трансформироваться в хищное животное, у антилоп оставалось достаточно времени убежать. Поэтому стадо тревожилось, но не паниковало.

Наметанным взглядом я вычислила вожака и, еще больше замедлив шаг, начала к нему приближаться. Видя, что трансформироваться я не собираюсь, вожак еще сильнее заволновался. Теперь он смотрел прямо на меня, обмахивая себя хвостом и раздувая ноздри. В первый раз в жизни мне стало не по себе, тем не менее, я продолжала идти к намеченной цели. У вожака похоже сложилось другое мнение. Не отворачиваясь от меня, он начал медленно отходить. Стадо последовало его примеру. «Если они боятся меня в виде человека, как же пугает их облик львицы?» – не к месту подумалось мне. Если так пойдет и дальше, то мне придется их преследовать, ведь другого стада импал в округе не паслось. Это меня никак не устраивало, и я решила начать разговор.

– Я не собираюсь тебе навредить, просто послушай! – Я даже подняла вверх руки, сама не знаю зачем. Почему-то мне казалось, что такой жест поможет мне успокоить импалу.

– Чего ты хочешь? – Вожак видимо решил, что разговор много вреда не принесет, хотя по всей его фигуре было видно, что он готов в любое мгновение умчаться в саванну и увести за собой стадо.

– Мой прайд... – Это слово произвело эффект сравнимый с извержением вулкана. На мое счастье, вожак так удивился, что я успела продолжить фразу самым успокаивающим тоном, на какой была способна. – Мой прайд был вчера на охоте. Мы загнали одну антилопу. Во время охоты я ее сильно ранила. И сейчас она без сознания в ущелье. – Для большей убедительности я показала левой рукой в сторону холмов.

Некоторое время потребовалась вожаку, чтобы разобрать смысл моей тирады. Удивление на его морде медленно сменилось раздражением.

– И что? Что ты хочешь от меня?

Честно говоря, не на эти слова я надеялась. Может он просто не понял всей серьезности ситуации?

– Как что? Я хочу, чтобы вы ее оттуда забрали! Она же очнется и не будет ничего помнить. Может случиться что угодно. Вы должны ей помочь! – Мне это казалось таким очевидным. Для импалы же очевидным было совершенно другое.

– Она не из моего стада. Все мое стадо здесь.

Наверное, мы сейчас смотрели друг на друга с одинаковым недоумением. «Ну как можно не понимать такие простые истины?» Единственное различие между нами на данный момент крылось в том, что я еще пыталась что-то доказать, а вожаку было уже все равно.

– Но... она твоей породы. Я не знаю, где сейчас ее стадо. Кроме вас поблизости никого нет. Вы должны помочь!

– Я сомневаюсь, – мои слова почему-то разозлили вожака. – А если это ловушка? Если твой прайд просто затаился в том ущелье, а раненую антилопу вы выдумали? Я не собираюсь подставлять свою шею или шею любого из моего стада неизвестно из-за кого.

Сердито взрыв землю копытом, вожак развернулся и повел стадо подальше от пастбища, оставив меня в полной растерянности.

Казавшийся мне великолепным план, почему-то не сработал. Да что там не сработал, просто с треском провалился. Другого стада рядом не паслось, и как бы я ни храбрилась, сил на то, чтобы искать еще кого-нибудь у меня не осталось. Не было и надежды на чью-то помощь. День уже начал клониться к вечеру. Мое отсутствие, наверное, заметили. Пора назад, к прайду. Но вернуться я не могла, пока не выясню, что с антилопой.

Выбора у меня не оставалось, и я отправилась к ущелью. Трещина показалась вдали ближе к вечеру. Черный провал между красными от закатных лучей скалами внушал беспокойство и только усиливал тревогу, надежно поселившуюся в моей душе. Медленно, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть никого (хотя кого здесь можно было спугнуть, только собственную тень?), я вошла в ущелье. Оно мне показалось старым знакомым, которого не хотелось видеть снова.

Недалеко от входа лежала антилопа. Вокруг ее головы виднелась застывшая лужица крови. Шерсть на месте удара слиплась и стала темно-бордового цвета, но антилопа была еще жива. Это я знала точно, даже не приблизившись к ней вплотную. Антилопа тяжело и прерывисто дышала. Создавалось впечатление, что ее состояние за это время не изменилось ни на каплю. «Спасибо, что не стало хуже», – я еще никогда так искренне не благодарила богов, хотя не была полностью в этом уверена. Единственное, что я сейчас знала наверняка, это то, что ее ни в коем случае нельзя оставлять в ущелье.

Выход из ситуации намечался только один – самой вынести ее отсюда. Задача практически нереальная. Я ранена, правая рука плохо двигается (хотя днем мне и показалось, что я почти здорова), путь сюда отнял остатки сил. К тому же я в форме человека, а антилопа крупное животное. «Хоть легче бегемота или слона», – усталость явно сказалась на моих умственных способностях, так как ничего лучшего, чтобы приободрить себя я не придумала. Проклиная все на свете, я взвалила антилопу на плечи, шатаясь, как акация в ураган, встала на ноги и медленно пошла прочь из ущелья.

Как и день назад, я шла практически не разбирая дороги, сосредоточив внимание на необходимости переставлять ноги, стараясь не упасть под тяжестью зверя. До конца жизни я не могла понять, как мне это удалось, но я смогла донести антилопу до ближайшего пастбища, пусть и не того, где началась наша охота, и опустить под дерево. Место почти идеальное. Оно далеко просматривалось и в тоже время защищало от солнца и, частично, горячего ветра. Все это я смогла почувствовать на собственной шкуре, когда вслед за антилопой упала под дерево и долго не могла перевести дух. Теперь я была почти спокойна за судьбу зверя: здесь ее обяза-

тельно обнаружит кто-нибудь из антилоп. Смогут ли они ей помочь или нет, меня волновало меньше. Свой долг я вроде выполнила.

Я едва успела насладиться чувством сладкой победы, как вдруг недалеко от меня появилась долговязая фигура Тенорио. Настроение резко пошло вниз.

Какая же все-таки у него противная морда, когда он доволен собой. И где он вообще находит поводы для самодовольства? Я за ним никогда не замечала никаких особых достоинств или выдающихся поступков. Только надоедать он умел лучше других.

– Скажи, Тенорио, откуда у тебя дар – появляться там, где тебя не хотят видеть, или ты сознательно развил это способность?

Интересно, а если закрыть глаза, может он исчезнет? Я отвернулась от стоящего передо мной льва и зажмурилась. Как же хорошо не видеть Тенорио, не видеть раненую антилопу, не замечать проблемы вокруг, а просто сидеть с закрытыми глазами и подставлять лицо ветру. Не знаю, сколько я так просидела: на мгновение показалось, что все проблемы исчезли. Снова открыв глаза я уперлась взглядом в усатую морду Тенорио.

– Опять ты грубишь, Нала. – Видно не так уж долго я просидела с закрытыми глазами. Или Тенорио не заметил моих молитв о его немедленном и окончательном исчезновении. – Я, между прочим, хотел тебе помочь. Я очень удивился, когда увидел тебя, бредущую по саванне с как бы это сказать... ношей на плечах. – Он неопределенно махнул лапой в сторону лежащей неподвижно антилопы. – Признаюсь, даже не сразу узнал.

– О да, ты очень вовремя подошел, – тоже мне сама любезность, заботится он обо мне. Сидит и без тени жалости на морде любителю раненым животным. Как будто увидел облако необычной формы или странный узор на песке.

– А что с антилопой? – я могла поспорить, что Тенорио просто хочет поддержать разговор. – Выглядит неважно. Она вообще живая? И браслета не видно.

Объяснять, что случилось, мне совсем не хотелось, и я ухватила за эту последнюю фразу только, чтобы еще раз уколоть льва.

– Если ты надеялся на браслет, то извини, мы его еще вчера забрали.

– Вчера? Тогда, что ты здесь делаешь сегодня? – вот тут в голосе Тенорио проснулся неподдельный интерес. Он повернул морду и пристально уставился мне в глаза.

– Не твое дело.

Я отвернулась, с трудом встала и пошла в сторону своего прайда. В конце концов, помочь антилопе я больше ничем не могла, а Леена уже, наверное, начала волноваться.

– А я считаю, что мое, – Тенорио тут же вскочил на лапы и пошел вслед за мной. – Знаешь, Нала, наступили тяжелые времена для обитателей саванн. Эта засуха не похожа на предыдущие.

– Да что ты говоришь?

... Вот, вот оно мое наказание – выслушивать мысли Тенорио о том, что творится в нашем мире. Да еще и страдая при этом от полученных ран. Слишком жестоко, на мой взгляд.

– Когда она кончится, никто не знает, но уже скоро мы, я говорю о хищниках, начнем гибнуть с голоду. Ведь за браслеты нам дают все меньше пищи.

Наверное, это особый талант Тенорио, говорить очевидные вещи с умным видом, словно никто больше об этом не догадывается. Спорить или что-то ему доказывать сил не было:

– Такова воля богов и не нам её менять. Ситуация безвыходная.

Тенорио похоже решил воспользоваться возможностью показать мне свой ум и сообразительность.

– Не думаю, – сказал он. – Возьмем, к примеру, травоядных, тех же антилоп. Их основной рацион – трава. Их строение позволяет перерабатывать растения. И хотя из-за засухи пищи тоже стало меньше, но у них получается продержаться. А если взять в расчет еще и листву, то живется им вполне сытно.

– И что ты предлагаешь? Перейти на подножный корм? – честно говоря, мне не особо интересовали его размышления на данную тему.

– Я не настолько глуп, Нала, мы не можем, есть траву, даже если начнем умирать с голоду. Но вот, что мы можем – есть других животных.

Я чуть не споткнулась о камень. Наверное, я ослышалась. Но нет, морда Тенорио оставалась совершенно серьезной. Более того, на ней читалось уверенность в собственной правоте и превосходстве. Да уж в этом он меня действительно превзошел, я бы до такого не додумалась.

– Ты сошел с ума? – искренне поинтересовалась я.

– Не делай поспешных выводов, Нала. Ты ведь помнишь, почему мы хищники? Ты помнишь легенды? До того, как боги создали Кормушки, мы питались теми, кого поймали. И в этом был смысл, равновесие и справедливость. – Почему-то Тенорио сейчас больше всего напоминал мне Леену, когда та учила меня уму-разуму.

– Нет, не было смысла, раз боги решили изменить положение вещей.

Тенорио нес чушь. Я ускорила шаг, не желая продолжать отвратительный разговор. Но лев не отставал.

– А почему, они сделали это тогда, а не раньше? Почему вообще они создали нас такими и разрешили убивать для пропитания? Жизнь снова изменилась, изменилась к худшему, и засуха – лучшее доказательство. Пора нам возвращаться к старым добрым временам. Подумай, Нала.

Он многозначительно посмотрел мне в глаза и пошел прочь. А я стояла посреди саванны и пыталась припомнить, когда после разговоров с Тенорио я пребывала в такой растерянности. Что же мне предлагает Тенорио? Съесть антилопу, а не нести сюда, спасая ее жизнь? Не снимать браслет, а отрывать куски мяса? От этой мысли меня передернуло, боль в руке снова дала о себе знать.

Я встряхнула головой, пытаюсь прогнать неприятные картины, наполнившие мои мысли. Пусть говорит все, что захочет. Просто все от жары и голода немного не в себе. Но завтра следует обязательно проверить антилопу.

На следующий день, намереваясь сдержать слово, данное самой себе и, несмотря на протесты прайда, я вернулась туда, где оставила антилопу. Она все еще была там. Вернее там лежало то, что от нее осталось: безжизненное холодное тело. С ноги пропал и второй, коричневый браслет, предназначенный для падальщиков. Над тушей кружила стая грифов, испуганная моим приближением.

Я тупо смотрела, как труп испаряется на моих глазах. Мне еще не доводилось видеть, как исчезают тела из этого мира, но зрелище не вызывало у меня удивления. В конце концов так же пропадали и браслеты в Кубах. Вслед за антилопой из моей головы испарились и остатки мыслей. Я развернулась и пошла обратно к прайду.

Глава 3. Из жизни белок

Следующие несколько дней я помню смутно. Их скрыла от меня пелена боли, как телесной, так и душевной. Мой поход к антилопе оказался слишком тяжел. Одна волна страданий сменяла другую, заставляя на время забыться, но не принося облегчения. Единственное, что я помню достаточно отчетливо – это разговор с Лееной. Как матери и главе прайда, ей не давала покоя моя отрешенность. На второй или третий день болезни, Леена пришла ко мне с твердым намерением привести в чувство.

Я полусидела-полулежала под деревом в облике человека. Так, мне казалось, раны заживают быстрее. Леена подошла ко мне и протянула лист с водой.

– Как ты?

Морда матери выражала сочувствие, а голос звучал непривычно мягко. Я с благодарностью приняла лист, так как пить мне хотелось все время.

– Бывало и получше, – призналась я, попытавшись улыбнуться. Получилось, наверное, не очень хорошо, так как морда Леены стала еще более озабоченной. Не люблю, когда она делает такую физиономию. Мне всегда кажется, что я виновата в том, что она расстроена. То есть я и была причиной ее беспокойства, но оставалось ощущение, будто я сделала это нарочно.

– Твои раны хорошо заживают. Молодой организм легко справляется, – моя мать скорее уговаривала себя, чем меня, что со мной все будет хорошо.

Я отвернулась и поморщилась. Разве она не видит, что телесная боль – это не самое страшное в жизни?

– Не отворачивайся. Я понимаю, что тебя мучают не только пораненные лапы, – я удивилась и подняла глаза на Леену. – И совершенно напрасно. Ты не сделала ничего, за что должна корить себя.

Я снова расстроено отвернулась. Совсем ничего – просто уронила зверушку на землю. Как она может понимать, когда сама не совершала таких ошибок? Как же ей объяснить, что со мной происходит?

– Я ее убила, – я впервые произнесла вслух то, что тревожило меня сильнее всего. И, наверное, впервые сама до конца осознала смысл этих слов. Я отняла чужую жизнь. Теперь ни я, ни импала никогда не узнаем, какой могла бы стать жизнь антилопы: счастливой или полной печали, размеренной или бурной, длинной или короткой. Хотя нет, последнее-то как раз я знала. Ее жизнь оказалась короткой и прервалась из-за глупой случайности. Словно прочтя мои мысли, Леена произнесла.

– Ее смерть – случайность. На охоте такое бывает.

Почему-то я вдруг засомневалась, что произошедшее – просто стечение обстоятельств. И хотя я почти наверняка знала ответ Леены, но решила спросить:

– Ты кого-то убивала?

Как я и предполагала, Леена ответила «нет». Если бы ей довелось отнять чью-то жизнь на охоте, я бы об этом знала.

– А львы нашего прайда? – допытывалась я.

Ответ оказался точно таким же.

Преодолевая боль, я приподнялась и села ровнее. Мне хотелось, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Мне казалось, что так она не сможет солгать. Пусть и ради душевного спокойствия. Я хотела разобраться во всем, и жаждала правды. Леена же постаралась отодвинуться дальше. Ей было неловко, судя по нервно подрагивающим усам, мама уже жалела, что затеяла разговор.

– Да, смерти на охоте редки, но они случаются.

– Редки... а ты задумывалась, почему они редки?

Меня затрясло то ли от лихорадки, то ли от возбуждения. Я схватила Леену за лапу и притянула к себе.

– Охота опасное занятие. По повелению богов, мы – хищники, гроза всей саванны, несем угрозу мирному существованию травоядных... несем смерть, – последнее слово я произнесла почти шепотом. Шепот получился зловещим.

Леена мягко освободила лапу из моей руки и села напротив.

– Слишком много чересчур громких слов... в реальности все не так.

Я почувствовала себя словно маленький львенок на уроке охоты. Это меня взбесило: как может Леена обращаться со мной, как с младенцем? Что может быть серьезнее вопроса жизни и смерти? Почему она так холодно к этому относится?

– Вот именно! В реальности не так!

После слова «смерть», сказанного почти шепотом, мои слова прозвучали настолько громко, что их, наверное, было слышно по всей саванне. Леена поморщилась.

– В реальности мы все притворяемся: львы – что охотятся, жертвы – что спасаются бегством. А на самом деле, они просто стоят и ждут, когда мы выберем очередную «несчастную» жертву. А потом для виду убегают от нас, вроде так принято... Охота по правилам. Разве этого хотят боги?

Моя взволнованная речь не произвела особого впечатления на Леену. Она по-прежнему отвечала мне ровно и спокойно, словно учила несмышленного львенка.

– Нет. Не таким создавали они наше общество. И вот результат, боги недовольны: послали засуху и голод.

– Ты так думаешь? А знаешь, что произошло на пастбище? – усмехнулась я.

– Что же? – особого интереса в голосе матери не слышалось.

– Правильная охота. Антилопа убежала. Убежала в страхе, в ужасе. Убежала по-настоящему. Убежала как жертва. А я догоняла. Как хищник, который чувствует приближение триумфа. Наверное, такую настоящую охоту ждали от нас боги. И чем все закончилось? Смертью...

Уже второй раз за беседу, я заканчиваю тираду словом «смерть». Что со мной происходит?

– По преданиям именно так все и должно заканчиваться, – Леена явно не понимала, к чему я клоню.

– Но боги запретили нам охотиться по-настоящему. Они создали Кормушки, – я изо всех сил пыталась навести ее на мысль. Мне хотелось, чтобы она озвучила то, что давно крутилось у меня в голове и не давало мне покоя. Тщетно.

– Я не понимаю тебя, – Леена не собиралась играть в мою игру. И я сдалась.

– Да все просто. Боги запретили убивать, без убийства мы потеряли истинный дух охоты и теперь боги сердиты на нас. Получается замкнутый круг! – Леена молчала. По ее морде невозможно было понять, согласна она со мной или нет. – Мне единственной за многие сезоны выпало поучаствовать в правильной охоте и я нарушила запрет богов на убийство. Вывод? У нас не получается соответствовать ожиданиям богов.

Эти слова заставили Леену задуматься. Однако ненадолго, да и результат ее раздумий меня разочаровал.

– Мысли уводят тебя в опасную сторону, – сказала она.

– И пусть. То, что я сделала, мне не по душе, – ответила я и отвернулась. Леена еще какое-то время смотрела на меня, затем тоже отвернулась и поднялась, чтобы уйти. Мой вопрос заставил ее остановиться уже на достаточном расстоянии от меня. Не вопрос даже, отчаянный вопль непонимания.

– Что заставило ее так поступить? Зачем импала убегала изо всех сил? Она знала, что я не собираюсь ее убивать. Она бы просто лишилась памяти. Если бы антилопа не помчалась как угорелая, я бы не последовала за ней. И ничего бы не произошло...

– Мы вряд ли узнаем причину, Нала, – Леена только покачала головой и прошла прочь.

Пока мои раны заживали, я старалась держаться независимо и не подавать вида, что меня мучают сомнения и тревога. Впрочем, как я скоро убедилась, позиция остальных львов не отличалась от позиции Леены: «Да необычно, но такое не карается богами».

Но для меня самой болезненные переживания стали малоприятной неожиданностью. Хищник переживает о том, что ему пришлось убить... Смешно. Поэтому я приняла решение немного побыть одной. Уйти подальше, в места, где меня никто не знает и подумать, что произошло на самом деле.

Рано утром пока члены прайда мирно спали, я встала и, впервые за долгое время, превратившись в львицу, собралась идти куда глаза глядят. Тут я вдруг столкнулась с проблемой. Если подумать, то места, где меня не знают, наверное, не существует. Дочь одной из старейшин, лучший охотник в саванне, да еще и зверь с редким пепельным окрасом – даже страус с головой в песке спрятался бы лучше меня. Куда податься, чтобы найти укромный уголок? «Решу в дороге», подумала я.

Оглядев те стороны, которые имелись в наличии, я решила, что пойду на запад. Так по крайней мере удастся избежать прямых лучей палящего солнца, хотя бы до полудня. Чем дальше я уходила от родных мест, тем необычней казалась местность вокруг. Вроде бы наш мир не слишком большой, и я за свои неполные двадцать лет успела немного попутешествовать. Но моя мать возражала против долгих отлучек, я всегда уходила с расчетом, чтобы вернуться в прайд до заката. Сейчас я не собиралась возвращаться.

Я шла весь день, до темноты, не обращая внимания на ноющую боль и слабость в лапах. Когда стало совсем темно, и силы окончательно иссякли, я, наконец, решила лечь отдохнуть. Впервые в жизни я ночевала вдали от прайда. И сейчас меня это мало волновало.

Полутру я проснулась словно бы в новом мире. Все вокруг казалось необычным. Незнакомые растения преграждали мне путь. Невиданные птицы издавали резкие звуки над моей головой. Странные животные шарахались от меня в чащу. Даже лучи солнца и те казались прохладнее и тусклее, пробиваясь сквозь чужую листву.

Тем не менее, мне здесь нравилось. Неожиданные ощущения заставляли забыть о прежних неприятностях и тяжелых мыслях. Я чувствовала себя новорожденной в другом, пусть не прекрасном, но не похожем на мой мире.

Если бы прайд видел меня, они ужаснулись бы, как неосторожно я себя вела. Ведь в необычном лесу могли водиться и необычные хищники, любимым лакомством которых вполне могли оказаться молодые львицы. «Хотя нет, откуда? Животные здешних мест вряд ли видели львов вблизи, – одернула я сама себя. – Впрочем, здесь могут найтись те, кто, увидев нового зверя, не испугается, а решит попробовать, не легкая ли он добыча». Однако охотники мне пока не встретились, и чем дальше я углублялась в чудесный лес, тем сильнее ощущала уверенность, что опасность мне не угрожает.

Тут в кроне ближайшего дерева раздались необычные крики. В них не слышалось угрозы или агрессии, но ощущалась толика веселого безумия. Над лесом раздалось громкое «о-о-о-па-а-а-а!!!!!».

Существо, издавшее задорный вопль, оказалось размером с голубя и походило на белку. Но шерстяные птицы вряд ли существовали, а грызуны, как известно, летать не созданы. Что это за создание и почему оно так радостно вопит – оставалось для меня тайной. А неразгаданных загадок я не люблю. Еще с детства.

Я пустилась вслед. Все ушибы и ссадины, не зажившие до конца, тут же напомнили о себе. Бежать было неудобно. Ветки хлестали меня по морде, под лапы попадались острые

камешки, мокрая листва, скользкие кочки. Хвост то и дело цеплялся за густые кустарники. С каждой новой колючкой, застрявшей в шерсти, я спрашивала себя: «Зачем?» И каждый раз откуда-то сверху раздавался ответ: «А-а-ап! Оп-ля-я-я-я!!!»

Лес редел. Лавировать стало легче. А вот существу, напротив, стало сложнее перепрыгивать с одного дерева на другое. Крики раздавались все реже и радости в них поубавилось. Я оглянулась, пытаюсь выяснить, не обогнала ли я это чудо природы. И тут вылетела на берег. Невысокий склон, да и сама река не выглядела широкой. Если очень постараться, я, наверное, смогла бы ее перепрыгнуть. Но купание не входило в мои планы, и я резко затормозила на самом краю обрыва.

Выдохнув с облегчением, я осмотрелась. Довольно обильная для засушливых дней река пересекала равнину словно длинная, но медлительная змея. Правый край исчезал где-то за горизонтом, а левый делал крутой изгиб совсем недалеко от места, где я успела затормозить. Передо мной открывался отличный вид, так как тот берег, на котором стояла я, был выше противоположного.

По обеим сторонам речки рос лес. Однако перепрыгнуть с одного берега на дерево, стоящее на другом, не представлялось никакой возможности. Я с тревогой посмотрела на чащу за моей спиной, ожидая появления чокнутого летуна. Я не сомневалась, что у него достанет ума попробовать перелететь на тот берег. Или наоборот, не достанет ума, и он точно попробует. И ведь не долетит. А если он плавает так же как летает, то у рыбешек будет отличный ужин.

...А вот и наша птичка!

Не задумываясь, зачем я так поступаю, я мгновенно сгруппировалась на краю обрыва и прыгнула вслед за существом, поймала его в полете, и мы вместе покатались кубарем по другому берегу. Моя шкура, кажется, сосчитала все камни, корни и выступы по пути. Кое-как встав и отряхнувшись, я, наконец-то, получила возможность оглядеть странное животное.

Я бы не назвала зверька ни красивым, ни грозным. Ему больше всего подходило слово «забавный». Понурый комок из шерсти и листьев легко вызывал гомерический хохот. Мне стоило труда сдерживаться, особенно когда я представила ЭТО летящим между деревьями и кричащим «э-ге-гей». Но вежливость требовала не хохотать в морду тому, кому только что спасла жизнь. Вот я и пыталась сдерживать себя. Получалось не так хорошо, как хотелось бы. Я корчила ужасающие гримасы, пытаюсь сдерживать рвущуюся наружу улыбку. Со стороны, наверное, моя морда смотрелась весьма угрожающе, но я ничего не могла с собой поделать.

Существо выглядело напуганным. Оно хлопало большими карими глазами с такой скоростью, словно пыталось взлететь с помощью ресниц. В целом существо больше всего походило на белку. Конечно, белка в своей жизни я видала немного, они редко показывались в саванне, но даже мои скудные познания подсказывали, что передо мной не обычная белка. Да, сейчас, когда перетрусившее существо сидело, сжавшись в комочек, то ничего странного в нем не наблюдалось. Обычная серовато-рыжая шерстка, обычный пушистый хвост.

Глаза чуть крупнее положенного, но тут ничего не поделаешь и ничего не исправишь. Но я же видала зверька летящим в воздухе. Между передними и задними лапами натянулись большие перепонки, которых у белок расти не должно.

Пока я разглядывала забавное чудо природы, чудо разглядывало меня. Чувства мы испытывали явно противоположные. Мне было смешно наблюдать за его страхом. А ему видимо не доставляло никакого удовольствия бояться. Через несколько мгновений оно все же выдавило из себя:

– Не ешь меня...

Более глупой фразы придумать нельзя. Разве хищники едят жертв? Только отнимают память и все. Как назло, в моей памяти всплыл недавний разговор с Тенорио. Но сейчас я не собиралась хандрить, и поэтому поспешила отогнать неприятные воспоминания.

– Ты еще добавь, что ты не съедобная. С чего ты решила, что я тебя непременно сожру. У меня что настолько голодный вид?

Я еще раз обошла вокруг существа, осматривая белку со всех сторон.

– Ты же львица... – существо внимательно следило за моими перемещениями. По всей видимости, оно не хотело выпускать меня из виду.

– То, что я львица не означает, что я должна тебя есть. Неужели все думают, что львы только и делают, что охотятся? И больше ни на что не способны? Ты вот, например, белка, и значит не должна летать... а что я видела?

Аргумент заставил существо задуматься. Размышления, к моему удивлению, развеяли его испуг. Поэтому я решила заодно и позлить его. Я всегда считала, что злость лучшее лекарство от страха.

– Впрочем, полетом твоё «эгегей» тоже не назовешь, – добавила я.

– Я белка-летяга!

Уловка сработала. Моя фраза уязвила горе-летуна и существо явно осмелело... даже попыталось привести себя в порядок, встать с земли, отряхнуть шерстку...

– И что? – не поняла я. Одновременно мне пришла в голову мысль о том, что я, скорее всего, неправильно определила пол существа. Ведь особи мужского пола в данной ситуации вряд ли стали бы заботиться о своем внешнем виде. За исключением, может быть, Тенорио, но это отдельный случай. – Ты кстати девушка или парень?

Белка внимательно посмотрела мне в глаза и тотчас приняла форму человека. Оказалось, что она молодая девушка, моего возраста, небольшого роста, с ярко-рыжей копной волос. Что-то беличье осталось в ней и после трансформации. Наверное, и во мне остается что-то львиное. Хотя так ведь и должно быть, раз мы те, кем родились.

– Так белка или летяга? – спросила я. Почему-то мне очень хотелось подразнить девчонку. – Летаешь ты кое-как, значит белка. Хотя с другой стороны нормальные белки вообще не пытаются летать...

Члены моего прайда по печальному опыту знали, что дразнить я умею очень хорошо. Вот и белка тоже не выдержала. Ей оставалось только обиженно надуть щеки.

Только ответ её оказался совсем не тем, которого я ждала.

– Ой, кто бы говорил. По рождению ты должна стать или орлом или ланью, а сама ходишь в львиной шкуре.

Я в недоумении уставилась на белку. О чем она? Честно говоря, на этих словах я решила, что знаю причину ее необычного поведения – и полетов, и слов. Просто она не в себе. Очень сильно не в себе.

– Слушай, а ты при падении головой ударялась? Сильно? И больно?

Я с сомнением посмотрела на белку. Хотя нет, птицу из себя она строила еще до падения. Кто знает, может удар головой усугубил ее и без того плачевное состояние?

– Да нет, приземлилась вроде удачно.

Белка осмотрела себя со всех сторон. Даже пощупала некоторые наиболее подверженные травмам места. Только голову пропустила. А зря.

– Тогда ты меня, наверно с кем-то путаешь.

Я уже подумывала закончить не самое приятное знакомство, но белка снова удивила меня.

– А ты ничем не ударялась, пока меня ловила? Спутаешь тебя. Львица-альбинос, с виду двадцать сезонов от роду, без отметки Совершеннолетия, не пытающаяся съесть меня, хотя сейчас голод и засуха. Попробую угадать твое имя с одной попытки – Нала. Верно?

Я уставилась на белку. Ну вот. Искала место, где меня никто не знает. И первая же встречная белка знает обо мне больше меня самой. Ну, кроме того, что я дочь львицы и льва. И не альбинос. Просто такой окрас, светлый.

– Очень остроумно. Приятно познакомиться, – сейчас я уже жалела, что спасла ей жизнь. Хотелось самой ее убить. Хотя бы иронией.

– Взаимно. Я Ррел, – белка неуклюже поклонилась.

Неожиданно для меня в ее голосе прозвучал оттенок почтения. С чего бы? Вот благодарность в голосе, да и на словах была бы логичной. Но ее как раз не замечалось. А вот почтение с примесью уважения ощущалось вовсю.

– Я белка-летяга. Давно мечтала познакомиться с «истинной львицей».

Вот только этого мне не хватало!

– Спасибо. Но я избегаю поклонников. Особенно ненормальных, – последнюю фразу я добавила еле слышным шепотом. Я хотела остаться вежливой, но не удержалась. Сумасшедшая белка то смешила, то злила меня.

– Слух у меня, между прочим, хороший.

Судя по всему я вызывала у Ррел столь же смешанные чувства. Да, мы друг друга стоили. Но мое раздражение перевешивало веселье. Я добавила толику яда в голос:

– Поздравляю! Должно же быть в тебе что-то получше, чем умение летать.

– Да я... да ты... Ты не видела!

От обиды Ррел сжала кулачки и притопнула ногой. Я определенно задела ее за живое. Странно, почему она так волнуется? Полеты ведь не основное занятие для белок. Пусть даже и летяг. Тем более, что Ррел в этом занятии не преуспевала. Чем я и не преминула с ней поделиться.

– Как раз видела. Летаешь плохо.

Сделав каменное лицо, Ррел ответила:

– Повежливее. Тебя что, львы вежливости не учили?

Демонстративно вытаскивая запутавшиеся в рыжих волосах листья, белка даже не поднимала на меня глаза. Словно разговаривала не со мной, а с деревьями или травой:

– Тоже мне, приемная семья. Раз взяли на себя ответственность, так должны были и научить чему-то кроме охоты.

– Что ты сказала? – честно говоря, в первый момент я даже не поняла, о чем она говорит.

– Что охота – это не единственное ценное занятие в жизни! – Ррел снова не удостоила меня взглядом, продолжая читать лекцию окружающим нас растениям. Однако ей каким-то образом удалось почувствовать, мой удивленный взгляд, упершийся ей в спину.

– И можешь на меня так не смотреть! – сказала она. – Я имею право на свое мнение!

– Про приемную семью, – не отрывая от Ррел взгляда, уточнила я причину своего изумления. На охоту у меня имелось свое мнение, которое несколько отличалось от мнения большинства хищников.

– Так я и говорю, – как ни в чем не бывало, продолжила Ррел. Видимо ей казалось, что она говорит о совершенно очевидных вещах. – Они должны были тебя лучше учить, раз взялись за твое воспитание.

Тут Ррел ошиблась. Очевидные вещи были мне абсолютно неизвестны. Более того, уточнить их я даже не собиралась – чушь и еще раз чушь.

– Да как ты посмела! Нобель – мой настоящий отец! Если ты имеешь в виду глупые слухи о моей матери и Лееу, то это гнусная ложь...

– Да причем тут какой-то Лееу? – Только искреннее удивление в голосе Ррел заставило меня слушать дальше, не прерывая возмущенными возгласами. – Я говорю о Леене и о том, что забрав тебя у Даины и Аара, могла бы уделить тебе больше внимания. Тем более она старейшина и должна показывать всем пример. В том числе и воспитании детенышей.

– Кто такие Даина и Аар?

– Они жили тут недалеко, основали наше поселение. Красивая пара. Хотя он и был орлом, а она ланью. Великие звери. По крайней мере, так говорят наши старейшины. Я-то сама их не помню, маленькая была, когда они погибли.

На этом месте Ррел остановила рассказ и задумалась. Видимо пыталась вспомнить, что еще она знает про эту парочку. Или просто придумывала на ходу. Воспользовавшись паузой, я высказалась откровенно:

– Ты несешь бред. Я не собираюсь больше ничего слушать. Если ты вдруг решишь, что чем-то обязана за спасение, пожалуйста не ищи меня, чтобы отблагодарить, – выпалила я и, резко развернувшись, пошла прочь.

– Между прочим, я тебе уже сказала спасибо, – крикнула Ррел мне вдогонку. – И бреда у меня нет. О твоём происхождении знают многие.

Я остановилась, хотя уже десять раз успела попенять себе за любопытство.

– Я думала, что и ты в курсе. Нельзя же не знать, кто твои родители, – как ни в чем не бывало добавила Ррел. – Ладно, как хочешь. Я пойду.

Девушка-белка развернулась и собралась уходить. Делала она это очень медленно, словно ожидая, что я ее остановлю.

– А история между прочим весьма увлекательная. Странно, что у тебя не осталось никаких воспоминаний о детстве.

Я задумалась. Мне почему-то стало не по себе. Когда мне было три сезона, умер отец, и Леена практически не рассказывала мне, как это произошло. Отца я совсем не помню. Не повод поверить Ррел, я и не собиралась этого делать, но ...

– Ладно, – сказала я и уселась на землю в ожидании. – Только коротко. Надо же изучить все сплетни, что обо мне придумывают.

– А я теперь не в настроении болтать. Мне домой пора, – Ррел снова с усмешкой посмотрела на меня. Ей доставляло немалое удовольствие дразнить меня, как и мне несколько мгновений назад дразнить ее.

– Я сказала – рассказывай! – рыкнула я в ответ. Я конечно не Леена, но когда я говорю таким тоном, меня обычно слушаются. К сожалению, понятие «обычно» не равно понятию «всегда».

– А я сказала – попробуй, поймай! – Ррел в одно мгновение превратилась в белку и по ближайшей ветке забралась на дерево. Оттуда она еще раз оглянулась на меня и, как мне показалось, показала язык. Этого я стерпеть не могла.

Начался второй круг погони. Только, если в первый раз я просто следовала за Ррел, теперь мне отчаянно хотелось ее поймать. Но как? По деревьям я лазаю скверно, тем более по таким. Здешние деревья превзошли своих собратьев из саванны, как по высоте, так и по густоте листвы и толщине веток. Правда, ветки располагались далеко от земли. Вряд ли я могла бы зацепиться за них даже в прыжке. А Ррел, несмотря на неумение летать, по деревьям лазала с поразительной резвостью. Белка как-никак.

Пока я размышляла, как снять нахалку с верхушки дерева, Ррел уже успела скрыться из поля моего зрения. Только шум листвы выдавал направление ее движения.

Проклиная все на свете, начиная с вредных животных и заканчивая часто растущими деревьями и кустами, я бросилась за ней. Еще немного, и я наемся по горло такими пробежками. Теперь я вполне понимала взрослых львов моего прайда, которые предпочитали целыми днями валяться на солнышке. Нет ведь, я снова неслась куда-то, плохо разбирая дорогу и через каждые два шага чудом уворачиваясь от веток, настырно хлеставших меня по морде. Впрочем, я надеялась, что Ррел наверху тоже пришлось несладко.

Кстати о Ррел. Через некоторое время я, наконец, смогла разглядеть среди зеленого марева рыжий хвост. Белка беспорядочно прыгала с ветки на ветку, продвигаясь куда-то в неизвестном направлении.

Впереди нарастал гул воды. В пылу погони я сначала не обращала на него внимания. Но когда шум воды стал соперничать с шумом листвы, колышущейся на ветру, я забеспокоилась. Ничего хорошего звуки не сулили. Пусть мое знакомство с крупными реками весьма поверхностно, знакомиться ближе у меня не было никакого желания. Ррел тоже замедлила скорость и начала метаться с одного дерева на другое, ища путь в обход реки. Гул, однако, тише не становился. Отражаясь от стволов и густой листвы, он окружал со всех сторон, и понять, откуда на самом деле он доносится, не представлялось возможным.

И тут мы с разбегу вылетели на открытое место. Обрыв нарисовался под моими лапами совершенно неожиданно. Его не было видно сквозь толщу деревьев, или я его не заметила, увлеченная погоней за Ррел. Тем не менее, обрыв возник, и за ним располагалась не тихая неглубокая речушка, а водопад высотой больше окружавших его деревьев. И затормозить, как в прошлый раз, я не успела.

Пусть говорят, что в такие мгновения перед тобой пронесется вся твоя жизнь. Лично у меня перед глазами пронеслась перепуганная мордочка Ррел, которая тоже не рассчитала свои силы. И летели бы мы так недолго, но дружно, если бы я не запуталась в довольно длинной лиане. Это нас и спасло. Как я успела превратиться в человека, схватить лиану, затем схватить Ррел, объяснить внятно я не смогла бы ни тогда, ни потом. Единственное, что я почувствовала, это то, что какая-то сила подхватила нас, развернула по кругу над водопадом и выбросила обратно на берег.

Мы долго катились, собирая все, что попадалось нам на пути. Но теперь меня радовали и веточки и камушки – это приятней, чем барахтаться в воде, теряя последние глотки воздуха. Б-р-р, и думать страшно.

Затормозив о дерево, я откинулась назад и долго не могла перевести дух. Рядом лежала и тяжело дышала Ррел. Ее я сейчас понимала как никого в мире и, думаю, она меня тоже. Придя немного в себя, я перевернулась и, превратившись обратно в львицу, приложила лапу к ее горлу.

– Ты попалась, – произнесла я неровным от пережитого голосом.

Сил вырваться у Ррел не осталось, но она попыталась хотя бы возразить:

– Так нечестно!

– А мы правила с тобой не оговаривали. Могла бы спасибо сказать, второй раз жизнь тебе спасаю!

С этими словами я сняла лапу с ее горла: все равно никуда не денется, а разговаривать с когтями у горла неудобно.

Там мы и сидели, прислонившись к одному и тому же дереву неподалеку от обрыва. Голова была на редкость пустой: ни мыслей, ни желания что-то делать. Ррел первой прервала молчание.

– Сама сначала на обрыв загнала, – сказала она без особых эмоций в голосе.

– А нечего убегать, – в тон ответила я. И снова молчание.

Мимо меня пролетела бабочка. Большая такая, с крыльями не меньше человеческой ладони. И очень красивая. Никогда не видела таких бабочек. Она медленно, с достоинством опускала и поднимала крылья. Ее движения завораживали. Не поворачивая головы, я следила за тем, как она перелетает с одного цветка на другой никуда не торопясь.

Ррел проследила за моим взглядом и произнесла:

– Хочу бегу, хочу не бегу. – Ее слова странным образом рифмовались с движениями бабочки. Хочу бегу – крылья поднимаются вверх, не бегу – крылья опускаются. Бегу – вверх, не бегу – вниз...

Усилием воли, я сбросила с себя оцепенение. Для убедительности даже потрясла головой, отгоняя прочь наваждение.

– Не испытывай мое терпение. А то ведь и на пищу пойдешь, – я посмотрела на Ррел с самым строгим выражением, на которое была способна. – Когда ты последний раз память теряла?

Та, потупив глаза, тихо ответила:

– Около сезона назад.

От неожиданности я даже села ровнее. Вот так новость.

– Так. Приплыли. А раньше? – С нескрываемым любопытством, поинтересовалась я.

– Ну, еще где-то сезон, – еще тише сказала Ррел, избегая моего взгляда. Но я продолжала допытываться.

– А до этого?

Ррел стыдливо улыбнулась и сказала, неопределенно пожав плечами:

– Да у меня все как-то равномерно происходит.

– Я думала, мы – ровесники, – зачем-то озвучила я всл– Мне, как и тебе в этом году Испытания проходить. Из-за недавней потери памяти.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Не знала, что так можно.

– Нужно, – еще более печально произнесла Ррел. – У молодых навыков еще не так много, а потеря памяти еще больше усугубляет нашу неопытность. Вот и приходится пересдавать...

Странно, что я не слышала о таком правиле. Но с другой стороны львы на охотах теряют память крайне редко, возможно белка и говорила правду. В остальном, все с ней ясно. Дальнейший разговор, в принципе, терял смысл.

– Жалеть тебя надо, – сказала я ей, поднимаясь на лапы и разминая ушибленные места. – Что ты можешь рассказать обо мне, когда ты собственную жизнь не помнишь?

Ррел поднялась следом и с жаром произнесла:

– У меня хорошая семья, они заботятся о том, чтобы я все о себе знала, – по ее взгляду было ясно, что семья действительно важна для нее. – А рассказ о тебе – это моя любимая история на ночь. Хотя, наверно, я не смогу рассказать все так подробно, как наши старейшины.

– Тогда, думаю, стоит прогуляться к вашим старейшинам, – сказала я. – Старейшина белок-летяг, это ж надо!

В конце концов, у каждого есть свои причуды. И белка не исключение. Но в целом она достаточно забавное существо и мне не стоит на нее сердиться за те сказки, что ей рассказывают на ночь.

Ррел почувствовала изменение в моем тоне, и теперь ее голос звенел от возбуждения. Она тут же встала и жестом позвала следовать за ней, неопределенно махнув в сторону леса.

– У нас не только летяги. У нас много разных животных в деревне, – едва успев договорить, Ррел легко прыгнула на ближайшую ветку и направилась в ту сторону, которую сама же и указала.

Я прямо-таки ощущала энтузиазм, который охватил Ррел, когда она начала рассказывать о своей стае. Наверное, и я, когда у меня хорошее настроение, точно так же пытаюсь выставить мой прайд в наилучшем свете. Станным показалось другое. Похоже, что Ррел взбудоражена не только потому, что говорит про родную стаю, но и потому, что слушателем являюсь именно я. Тут мне вспомнились нотки почтения, которые звучали в ее голосе раньше. И заявление, что рассказы обо мне – ее любимая сказка на ночь. Кем же она меня считает? Ломая голову над этим вопросом, я последовала за ней. В конце концов, я смогу выяснить все, когда поговорю со старейшинами, только вот...

– ... старейшины муравьев, гусениц, клопов, тараканов и другой мелюзги меня мало интересуют, – честно призналась я Ррел. Та свесила голову с какого-то колючего дерева и сказала:

– Нет у нас никаких клопов и тараканов. Нет, конечно, тараканы есть. Где их нет? Только они в нашу общину не входят, – моя ирония ее ничуть не расстроила. Наоборот, её радовала возможность рассказать мне что-то, чего я не знаю.

– Общину? В смысле стаю? – на всякий случай, уточнила я.

Услышав вопрос, Ррел спустилась на нижнюю ветку ближайшего ко мне дерева. Я остановилась, радуясь возможности перевести дух. Все-таки эти два забега утомили мой не до конца окрепший организм. Да и надо признать, Ррел передвигалась по веткам быстрее, чем я по земле. Теперь ей пришлось остановиться, чтобы ответить на мой вопрос.

– Мы всегда называем себя общиной. Стая – это когда вместе живут представители одного вида, а нас, как я говорила много.

– Много? Это сколько? – с неподдельным интересом спросила я.

Ррел зависла на ветке, задумавшись.

– Несколько семей – около сорока особей.

– Ничего ж себе, – если бы я была в облике человека, то не удержалась бы и присвистнула. – А мой прайд состоит всего из тринадцати львов. И то мы далеко не всегда можем найти общий язык. И как вы уживаетесь вместе такой большой компанией?

Сделав серьезное выражение морды, Ррел выдала:

– Это потому, что вам приходится жить друг с другом из-за кровного родства. А нас объединяют общие убеждения.

С таким выражение морды обычно учат несмышленный молодняк. На физиономии Ррел оно смотрелось очень забавно.

– Сама придумала или кто из старших сказал? – спросила я, хитро улыбнувшись.

– Из старших, – Ррел не стала обижаться на меня и, согласно кивнула головой. – Наш лидер – Нуко. Он очень умный. И я стараюсь по возможности запоминать его слова. Пошли скорее. Мы уже близко, – добавила она и снова скрылась в листве.

Я поспешила за ней. Мне становилось все интереснее и интереснее. И до того, как мы придем в стаю, в смысле общину, Ррел, мне хотелось узнать, как можно больше.

Поэтому, я крикнула ей вслед:

– Этот ваш Нуко, он случайно не сова?

Из листвы послышался ответ:

– Случайно да. Точнее филин.

Перед моими глазами мелькнул рыжий хвост.

– Ну, хоть кто-то из совиных оправдывает особенность их вида, – подумала я вслух, лавируя между кустами. – Сейчас не так часто встретишь умную сову. Вам повезло. Кстати, не знала, что филины водятся в этих местах.

– Нуко водится, – белка на мгновение возникла перед моей мордой. И тут же исчезла. Откуда-то спереди раздался ее голос. – Ты удивисься, когда увидишь, кто еще водится в нашей деревне.

– А что такое деревня?

В голосе Ррел послышалось удивление.

– Место, где мы живем многие годы, – медленно сказала она.

Со слов Ррел я поняла, что они никуда не мигрируют. Но ведь это же неудобно. Если долго жить на одном месте, то там заканчивается добыча. Как для хищников, так и для травоядных. Может, я сделала неправильный вывод? Нужно было уточнить:

– Вы что же, живете все время на одном и том же месте?

Мой вопрос удивил Ррел не меньше, чем меня ее ответ. Она опять появилась в листве передо мной.

– Да, конечно. А вы разве нет? Намного приятнее жить там, где все обустроено так, как ты привык, чем шататься из одного места в другое, – хмыкнула она и прыгнула с ветки на ветку.

Я не совсем поняла, что Ррел имеет в виду, поэтому сменила тему.

– Так кто же еще водится в вашей деревне?

Ррел снова притормозила и, смешно наморщив лоб, стала вспоминать.

– Даже не знаю с кого начать. Про Нуко я тебе уже сказала. Он у нас вроде как самый умный и значит самый главный. Все всегда ходят к нему за советом. Только вот он очень стар. И в последнее время мы стараемся его особенно не беспокоить. Сейчас всем заправляет Нейк.

– Змея? – Уточнила я.

– Ага. Он тоже очень умный. И моложе Нуко, – заметив выражение на моей морде, Ррел спросила. – Ты не любишь змей?

– Наш вид не особо с ними ладит, – честно призналась я. – Не со всеми конечно, встречаются и вполне дружелюбные экземпляры. Только вот мне они не попадались. В общем, я стараюсь как можно меньше с ними общаться. А этот ваш Нейк – он какого вида?

Этот вроде бы простой вопрос поставил Ррел в тупик.

– А ты знаешь, я ведь не помню, какого он вида. Никогда не видела его в облике змеи.

Такого разговора, в котором каждая из сторон старается все сильнее и сильнее удивить собеседника, у меня никогда ни с кем не происходило.

– То есть, как это не видела? – с сомнением в голосе спросила я. – Он что, все время ходит в виде человека?

– У нас так поступают многие, – отмахнулась Ррел. – Хотя Нейк – он особенный.

– Особенно странный, хочешь сказать? Похоже, вся ваша община со странностями.

– Это не странности. Просто у нас есть убеждения, которым мы стараемся следовать. И другие звери нас не всегда понимают.

Белка пристально посмотрела на меня, словно я была виновата в скептическом отношении других зверей. Хотя, признаться честно, других зверей, я понимала лучше, чем Ррел и ее окружение.

– И что же за убеждения? – поинтересовалась я.

– Ну, мы верим... Нет, знаешь, я не самая лучшая рассказчица, – я с удивлением посмотрела на Ррел. Что-то раньше я за ней не замечала такую самокритичность. – Это очень серьезный вопрос. Вдруг ты меня не так поймешь? Пусть тебе все расскажут Нейк или Нуко. Так будет лучше.

Я решила не спорить.

– Ладно, как хочешь. Расскажи тогда, о чем можешь. Что у вас в деревне еще стран... то есть интересного? Пока ты мне рассказала только про два вида – змею и филина. Плюс, кстати, ты сама. Это три, а ты говорила, что их много.

– Из птиц у нас живут семьи соколов и воробьев. Да и Нейк – не единственная змея в общине. Есть еще ужи, двое – муж и жена. Одни из первых, кстати, кто появился в деревне. А также, зайцы, бобры, медведи, хорьки, ...

– Стоп. Стоп. Согласна, действительно много. Можешь дальше не перечислять, все равно не запомню. А что насчет тебя? Ты здесь с семьей?

Ррел в который раз остановилась.

– Да мы живем с мамой здесь с самого основания деревни. Точнее мама живет с самого основания. Они с отцом были знакомы с твоими родите... в смысле с основателями деревни.

Ррел посмотрела на меня, видимо ожидая, что я снова начну злиться. Но я для себя уже решила до поры до времени не обращать внимания на эти ее сказки про моих «родителей». В конце концов, она просто пересказывает то, что услышала от старших. Гораздо интересней узнать, почему старшие распускают о моей семье нелепые слухи.

Тем временем Ррел продолжала рассказ. – Мои родители помогали им тут все обустроить. Через некоторое время появилась я.

– И что дальше?

– Да, в общем-то, ничего, – тут Ррел погрузилась впервые со времени нашего с ней знакомства. – Когда мне исполнилось пять лет, мой отец погиб.

– Погиб? – Я вздрогнула при этих словах. Получается, наши отцы погибли примерно в один и тот же сезон. Может просто совпадение? А если нет?

– Соболезную, – тихо сказала я. – А как это случилось?

Ррел внимательно посмотрела на меня.

– Его убили. Но об этом тебе тоже лучше спросить наших старейшин.

– Извини, – произнесла я, не зная, что сказать. Мне вспомнилась антилопа, погибшая от моих лап. И не успевшая зажить душевная рана тут же начала ныть. Никогда не чувствовала себя так смущенно.

– Ничего. Это было давно. Я привыкла, – Ррел спустилась с дерева и встала рядом со мной. – Потеряв мужа, мама хотела уйти из общины, вернуться к прежней жизни, но потом передумала и осталась. Я выросла в деревне. А вон, кстати, и она.

Глава 4. Незванная гостья

До последнего я была уверена, что Ррел говорит неправду насчет места, где живет. Оказалось, что я ошибалась. Поселение располагалось на склоне холма или скорее невысокой горы с округлой вершиной. Склон разрезала большая, хорошо утоптанная тропа, от которой во все стороны расходилось множество маленьких дорожек. Казалось, что холм обильно увит паутиной, в которую попались редкие невысокие деревца и развесистые кусты. Додумывать, каким тогда был бы паук, мне не захотелось, и я стала осматриваться дальше.

Большинство животных саванн живут на открытом воздухе, не заботясь о том, чтобы найти себе укрытие. Да и климат этому способствует. Исключение составляют только грызуны, которые роют норы и прячутся в них от хищников. Остальные полагаются на свою скорость, ловкость и наблюдательность или сами являются хищниками. Здесь все оказалось по-другому.

Холм, на котором обитала община, больше всего напоминал гигантский муравейник. Ни разу не видела возвышенности, в которой было бы столько дыр и нор.

– Вы сами их вырыли? – поинтересовалась я у Ррел.

– Что? Комнаты?

Я смутилась. Слово было мне не знакомо, и я не была уверена, что мы говорим об одном и том же.

– Норы. – уточнила я. – Которые на холме.

– Нет, что ты! – рассмеялась белка. – Ком... норы выбиты в камне. А камни очень твердые. Нет, конечно, кое-где мы расширяли комнаты, чтобы размещать припасы, или проделывали окна, чтобы стало светлее. Но очень давно, еще при Ааре. Теперь нас не так много и если вдруг требуется комната побольше, например, если в семье рождаются дети, то они просто переезжают в другую... эм, нору, – закончила она, заметив, что понимание ее речи дается мне с трудом.

– То есть, вы живете прямо там, внутри?

– Да, конечно. Там уютно, тепло и сухо. А чтобы ветер не задувал, прикрываем окна и двери пальмовыми листьями. Они плотные и крепкие, никакой сквозняк не страшен!

Я поняла не все, но не стала переспрашивать. И с интересом рассмотрела холм, который действительно то там, то тут пестрел крупными зелеными листьями, собранными в связки. Местами листья выглядели побуревшими и подгнившими, явно, что их давно не меняли и в помещениях больше не жили. Немного приглядевшись, я пришла к выводу, что таких нор на холме больше, чем обитаемых.

Видимо, Ррел не преувеличивала, когда говорила, сколько животных живет здесь вместе. Тогда почему по саванне не разлетелись слухи о необычном поселении? Как вернусь домой, обязательно спрошу Леену, что она слышала про общину и ее жителей. И слышала ли вообще.

Пока мы шли по деревне, успело стемнеть. Обычно я неплохо видела в сумерках, но усталость и перенесенная болезнь ослабили зрение и удаленные предметы словно таяли в дымке. Оставалось вглядываться в сонные лица прохожих. Их было немного и они с подозрением смотреть на чужака, пришедшего на его территорию.

– Какие все угрюмые, – заметила я Ррел.

– Нет, что ты? – возразила девушка. – Они просто с тобой еще не знакомы. На самом деле мои соплеменники очень добрые и приветливые. Завтра сама увидишь! А пока добро пожаловать в мой дом.

Подойдя ко входу одной из боковых пещер, Ррел повернулась ко мне, жестом показывая следовать за ней. Я осторожно зашла внутрь, стараясь, на всякий случай, повторять ее движения.

Нора оказалась очень необычной даже на мой неискушенный взгляд, пусть я никогда и не посещала нор (свежий воздух и простор саванны ближе моему сердцу, да и комплекция у меня, мягко говоря, не норного животного).

Во-первых, вход. С одной стороны, особенно в темноте, вроде бы вход как вход, но его размеры... Размеры явно больше, чем требуется. Для чего нужны норы? Я считаю, что для защиты. Вот представьте себе, что вы, скажем, сурикат. Бежите вы по саванне по своим сурикатским делам, несете добычу домой после долгой и утомительной охоты, и вдруг видите, как на земле перед вами появляется зловещая тень. Вы от страха начинаете метаться из стороны в сторону, пытаетесь найти надежное укрытие для своей сурикатской шкурки и еды, добытой с таким трудом. Вы даже не пытаетесь узнать, чья там тень повергла вас в такой страх: орла или какой-нибудь птицы-секретаря. Лучше узнать потом, увидев в небе удаляющийся силуэт, чем стать жертвой из-за любопытства.

Так вот, вы продолжаете метаться: справа у вас небольшой пожухлый кустик, который не то, что укрыть от глаз зоркого хищника, но и тень-то нормальную отбросить не может, слева – камень, под который тоже не спрячешься, спереди – то, что осталось от речки, то есть большая лужа, полная вонючей жижи. Ваш выбор? Конечно же, найти спасительную норку, вырытую собратьями по стае! Очень удобно: вы протискиваетесь сквозь узкий лаз глубоко под землю, где вас не достанет ни один хищник, даже самый длиннолапый, и ждете там, пока опасность не минует. Как-то так.

А здесь, что? Не нора, а пещера какая-то! Да, пусть и я и Ррел протискивались в нее с некоторым трудом, но мы же были в человеческом обличье! Сколько таких ррел в форме белок могло пройти за раз в эту, с позволения сказать, нору? А сколько орлов, ястребов, змей, гиен и других хищников могло войти следом? Какая же здесь безопасность? Я уже хотела спросить свою спутницу, как вдруг спина Ррел исчезла из моего поля зрения, а появилось такое, что заставило забыть меня особенности входа.

Я увидела много необычных предметов, удививших и даже настороживших меня. Помявшись немного у входа, я, наконец, решила осмотреться. Нора была под стать входу. Большая. Очень большая, я даже не ожидала такого простора.

Вторая странность: в норе светло. Нет, не оттого, что я неплохо вижу в темноте, а оттого, что вокруг меня разливался непривычный, но приятный свет. Осмотревшись, я пришла к выводу, что излучают его несколько десятков светлячков, которые расположились небольшими группками по стенам норы.

Нору заполняло много всякого хлама: и сухие коряги, стоящие у стен, и лиан, с развешенными на них причудливо свернутыми листьями, и большой пень, стоящий прямо посреди норы – плоский, словно зализанный, высотой мне примерно по пояс. Вокруг центрального пня стояли пни поменьше, на гладкой поверхности стояли какие-то продолговатые кусочки дерева, в один зачем-то воткнули пучок цветов.

Увлеченная разглядыванием, я не заметила, как из-за стены лиан появилась хозяйка норы. В том, что женщина, стоящая теперь передо мной, является матерью моей новой знакомой, я почти не сомневалась. Вылитая Ррел, только старше. Те же рыжие волосы и веснушки по всему лицу. Вот только в волосах уже просматривалась седина.

Женщина улыбнулась и, потрепав Ррел по макушке, с укором спросила:

– Представишь меня своей новой подруге? Могла бы предупредить, что у нас будут гости. Я бы прибралась в норе, а то от тебя такой беспорядок.

Ррел состроила недовольную рожица, хотя голос женщины звучал доброжелательно. Освободившись от объятий матери и неопределенно махнув в мою сторону, Ррел бросила:

– Нала познакомься, это моя мама – Фее. Мама – это Нала.

– Нала? – Слегка прищурившись переспросила женщина. Я молча кивнула. Мне внезапно стало неуютно под тяжестью ее пристального взгляда.

– Да, мы случайно встретились в лесу, представляешь? – Продолжила болтать Ррел. – И я пригласила Налу к нам в гости.

– Ах, случайно, – лицо Фее тут же разгладилось и стало снова добродушно приветливым. Как ни в чем не бывало, она взяла меня за плечи и усадила на один из пней поменьше. Ррел села рядом. – Славно. Мы гостей любим.

С этими словами хозяйка жилища поспешила к одной из стен пещеры и с нее большой сверток из банановых листьев. Я подумала, что в них хранились пищевые шарики. Мы сами иногда поступаем так же, только не развешиваем их где попало. В животе явственно заурчало – я не ела уже больше суток и успела проголодаться. Но я ошиблась.

В свертке оказались разнообразные плоды. Названий большинства я даже не знала. Отобрав несколько самых крупных и спелых фруктов, Фее начала очищать их от кожуры. По норе распространился приятный запах. Я с удивлением смотрела на белку. К чему такие приготовления? Насколько я знала, белки не питаются фруктами. А львы тем более. Но задать вопрос вслух не решилась.

Беседа временно прервалась. Фее занималась фруктами, я наблюдением за Фее, а Ррел просто молчала.

Тем временем старшая белка очистив плоды, сняла со стены ещё один незнакомый мне предмет, похожий на панцирь черепахи, сделанный из куска дерева. Фее начала делить фрукты на мелкие кусочки с помощью длинного острого камня, и складывать получившуюся массу в емкость. Затем она подсыпала туда горсть орешков – беличья натура все же дала о себе знать – и полила массу чем-то золотистым, тягучим. Упоительный запах разлетелся по всей норе.

Закончив, наконец, приготовления, Фее разложила полученную массу на банановые листья перед нами. И зачем-то рядом с листьями появились небольшие, с ладонь длиной, острые деревянные палочки.

– Приятного аппетита.

Я удивленно уставилась на белку.

– Это еда? – Спрашивать было не совсем вежливо, но удержаться я не смогла.

– Да, конечно. Фруктовый салат с орехами и медом. Очень вкусно, попробуй. Ах да, – о чем-то вспомнив, Фее быстро встала со своего пня и добавила к предметам, стоящим передо мной высохшее коленце бамбука, наполненное простой водой.

Не решаясь притронуться к так называемой пище, я взяла в руку бамбук и подняла на уровень глаз. Удивительно, вода, которая на моей памяти вытекала из всего, во что я пыталась ее налить, спокойно плескалась внутри.

Пока я внимательно рассматривала незнакомый предмет, Фее наклонилась к дочери и едва слышно сказала.

– А ты у меня завтра получишь на орехи, негодница!

Я сделала вид, что ничего не расслышала. Я догадывалась, чем недовольна старшая белка. Слишком уж часто Леена обращалась ко мне подобным тоном после моих длительных отлучек. А помятую об утреннем полете Ррел, я была уверена, что и у Фее было немало поводов для недовольства.

– Что я сделала? – Одними губами невинно спросила Ррел у матери.

«А то ты не знаешь», – мысленно ухмыльнулась я и попробовала воду на вкус. Вода как вода. Почему же она не выливается?

– Вот узнает Нейк и поймешь, что ты сделала! – ответила Фее. – Дочь Даины и Аара здесь, ну надо же...

От этих слов я чуть не поперхнулась следующим глотком воды. Вот действительно, надо же!

– Вы тоже знаете Даину и Аара? – Возбужденно спросила я, забыв о мнимой глухоте. – Ррел их не выдумала? Кто они?

Фее удивленно и одновременно испуганно посмотрела на меня.

– Не следует тебе об этом спрашивать...

– Но я буду! – Разозлилась я. – Вы зовете их моими родителями! Вы бросаете тень на Леену и Нобеля!

Фее тяжело вздохнула.

– Что там рассказывать. Были у нас такие соплеменники. Мы все их очень уважали. Но они погибли. Давно.

– И вы хотите сказать, что это все? Кто они такие? Как я связана с ними? В какое место я попала, почему вы живете в норах, завешиваете их листьями и едите фрукты? У меня ещё много вопросов...

Я демонстративно уселась на неудобном пне так, словно намеревалась всю жизнь просидеть, не слезая, и скрестила на груди руки. Конечно, не совсем вежливо так себя вести в чужой норе, зато есть шанс добиться успеха. Но Фее, похоже, так не считала.

– Ты всегда слушаешься Леену? – неожиданно спросила она.

Я несколько опешила от такого вопроса.

– При чем здесь моя мать?

– Леена – глава вашего прайда и одна из старейшин всех зверей. Ты и все остальные должны ее слушаться, так? – Фее внимательно посмотрела мне в глаза. От её тяжелого взгляда мне снова стало не по себе.

– Ну, допустим, – согласилась я.

Словно удовлетворившись ответом, Фее отвела от меня взгляд и стала расхаживать по пещере, периодически поглядывая в мою сторону, будто бы ища поддержки своим словам.

– Так вот наше общество тоже построено на подчинении старейшинам. Они запретили разговоры о тебе или твоих родителях. Тем более с тобой. Пока ты не станешь достаточно взрослой и сможешь отвечать за свои решения и поступки. Прости, но я не могу рассказать тебе то, что тебя интересует. Но я могу сообщить старейшинам, что ты здесь.

Тоже выход из положения.

– Хорошо, я не против, – сказала я. Только бы местные старейшины вслед за Ррел и ее матерью не послали меня к еще более авторитетным личностям. Или еще куда подальше.

– Завтра, – уточнила Фее. – Сейчас уже поздно. Нам всем лучше отдохнуть. Ты можешь остаться в гостевой спальне.

Хозяйка снова схватила меня за плечо и потянула за собой в соседнюю пещеру, скрытую висящими лианами. – Это будет честь для нас. Пойдем за мной.

Я готова была слопать ещё пару порций так называемого салата и закусить пищевыми шариками, поскольку нормально поесть последние дни мне не удавалось, но решила молча последовать за Фее. В конце концов, не стоило пренебрегать ее гостеприимством и вести себя в чужом доме как в своем. Как я могла судить, я и так стала причиной немалых волнений в семье.

Мы оказались в невысоком тоннеле, который уводил куда-то во тьму. По обе стороны от него располагались еще две пещерки, также прикрытые лианами. Фее приоткрыла вход в правую пещерку и жестом пригласила меня зайти.

– Можешь расположиться здесь, – сказала она. – Отдохни, а завтра мы пойдем к старейшинам. Надеюсь, тебе будет удобно, – сказала она и скрылась из вида.

Я огляделась. Пещера была раза в два, а то и в три, меньше главной, да и освещена хуже, но казалась более уютной. В ней располагалось только низкое и длинное сооружение, тянувшееся вдоль стены. Оно возвышалось над землей и доходило мне почти до колена. Из чего она состояло, я разобрать не могла, так как сверху лежал толстый слой приятно пахнущей сухой травы. Я поняла, что эта вещь предназначена для сна и попробовала прилечь. К моему удивлению оказалось, что сооружение было достаточно мягким и удобным. Как только моя голова коснулась душистого вороха, глаза сами собой сомкнулись, и я заснула.

Проснулась я рано утром от того, что косые лучи солнца невежливо лезли прямо мне в лицо. Я лениво приоткрыла левый глаз и тут же его закрыла из-за яркого света.

– Наконец-то, прос-с-нулась. – сказал незнакомый голос, низкий и шипящий.

– Меня в жизни не будили так нагло, – ответила я, вложив в слова как можно больше негодования. – У вас здесь так принято?

– Нет, – фигура говорящего, наконец, отошла от света, и я смогла ее разглядеть. Моим собеседником оказался немолодой мужчина с длинными темными волосами и еще более темными глазами, которые не выпускали меня из виду ни на мгновение. Он двигался по комнате с завидной грацией, хотя сам при этом выглядел угловато. Казалось, об его колени и локти можно было пораниться, как об тот странный предмет, которым Фее вчера разделяла фрукты. – Никогда не любил незваных гос-с-стей.

– Я к вам в деревню не врывалась! Меня пригласили.

– Да верно, – кивнул гость – Этот пос-с-ступок нашей юной соплеменницы был вес-с-сьма неразумным и не служит оправданием твоего здесь присутствия.

– И, тем не менее, у меня есть право находится здесь, – попыталась возразить я, но гость был непреклонен.

– Нет. Если бы меня приглас-с-сила Асла, а Леена была бы против моего присутствия, что бы с-с-сделал прайд?

Я промолчала, гадая, откуда он знает имена моих родных.

– Верно. Попросил бы чужака убраться проч-ч-чь. Так что если ты полнос-с-стью прос-с-нулась, то с-с-следуй за мной.

С этими словами гость молниеносно вышел из норы. Несколько мгновений я тупо смотрела ему вслед. Нет, я еще не полностью проснулась, и темный незнакомец сейчас казался частью дурного сна. Хотелось закрыть глаза и посмотреть какой-нибудь другой, радостный сон, но слепящие лучи мешали.

Тяжело вздохнув, я встала со своей лежанки и потянулась. Уходить мне совсем не хотелось, с другой стороны незнакомец меня заинтересовал. Пусть и неприятно. И меня тянуло продолжить разговор.

– Эй, пос-с-ст... тьфу, постой, – крикнула я, выбегая из комнаты. – Как тебя зов...

Не успела я договорить, как наткнулась на Фее, которая снова расставляла на большом пне предметы из сплетенных листьев бананового дерева. От удара часть предметов упала на землю.

– Ой, простите, я нечаянно, – извинилась я и бросилась поднимать рассыпавшиеся фрукты.

– Нет-нет, не волнуйся, – любезней, чем следовало бы ожидать, ответила Фее и буквально отгеснила меня от беспорядка. В ее руках была длинная прямая ветка, заканчивающаяся скопом веточек поменьше. С ее помощью она быстро собрала мусор в большой лист. – Потом помою. Ничего страшного. Лучше садись за стол. Пора завтракать.

– Никакого завтрака, – снова раздался мужской голос.

Мой знакомый незнакомец стоял у входа в нору и ждал меня. Фее удивленно посмотрела то на него, то на меня.

– А разговор не может подождать? Сейчас же еще раннее утро и я думала, вы поговорите позже...

– Нет, нам пора, – резко ответил мужчина.

– Что на завтрак? О, привет, Нейк, – посреди нашего напряженного молчания в комнату ворвалась взъерошенная Ррел, поприветствовала незнакомца и плюхнулась на один из пней.

– Значит, Нейк? – холодно переспросила я.

– Приятно познакомится, – мерзко усмехнулся он. – Пош-ш-шли.

– Нала уже уходит? – удивилась Ррел.

Я уже хотела возразить, что никуда с незнакомцами не хожу (пусть это и была ложь), но Фее успела меня опередить.

– Да, – сказала она Ррел таким тоном, что ни у маленькой белки, ни у меня не возникло желания спорить. – Была рада знакомству, – добивала она, обращаясь уже ко мне. – Возможно, когда-нибудь еще увидимся.

Я коротко кивнула в ответ. Не могу сказать, что обрадовалась знакомству. Настороженное отношение Фее ко мне, удивляло и немного раздражало. Вряд ли я стану по ней скучать. А вот Ррел была забавной. Хотя, может и не время прощаться насовсем. И пусть сейчас я покорно вышла след за Нейком, слушаться его я не собираюсь.

Мы молча прошли некоторое время, пока не вышли на основную тропу.

– И куда мы идем? – наконец нарушила я молчание.

– Из деревни, – коротко ответил Нейк, даже не поворачивая головы.

– Мы не можем поговорить здесь?

– Я не собираюс-с-сь с-с-с тобой разговаривать. Я провожаю тебя до наш-ш-ших границ.

От такой наглости я опешила. Статус второй львицы сильнейшего прайда саванны обычно ограждал меня от отказов. Я обогнала Нейка и резко остановилась перед ним, глядя ему прямо в темные глаза.

– Нет.

– Что значит «нет»? – судя по выражению его лица, он так же не привык слышать отказы.

По крайней мере, от молодняка.

– Нет, значит, я никуда отсюда не уйду, не получив ответы на вопросы, ради которых я сюда пришла.

Нейк смерил меня презрительным взглядом.

– Мы не рас-с-сказываем наших секретов чужакам, – сказал он, шипя еще больше обычного. – Мы не выставляем наш-ш-ш образ жизни напоказ. Нам не нужна оглас-с-ска и лиш-ш-шние разговоры. Мы не делаем никаких ис-с-сключений.

Худой и высокий Нейк, казалось, раздулся от собственной важности и самоуверенности.

– Даже для меня? Дочери ваших Даины и Аара?

Упоминание этих уже изрядно поднадоевших мне имен окончательно вывела моего собеседника из себя.

– Тем более для тебя! Ты избалованная, вздорная и вспыльчивая девчонка! Твое присутствие нежелательно в нашей тихой деревне.

– Ах, я избалованная? – Рассердилась я. – Тогда, ты еще не видел насколько.

Я уселась на землю прямо на тропе.

– Я никуда не уйду, пока ты мне все не расскажешь.

Нейк смерил меня взглядом и к моему удивлению сел напротив.

– Я не обязан ничего тебе объяс-с-снять, – спокойно и с насмешкой ответил он. – Я не могу заставить тебя уйти силой, но упрямс-с-ства мне тоже не занимать. Рано или поздно ты уйдеш-ш-шь.

Наступила тишина. Только пение утренних птиц из чащи вокруг холма нарушало наше молчание.

– Ты боишься меня? – с насмешкой спросила я после длительной паузы.

– Нет.

– Тогда почему не можешь заставить меня уйти силой?

– Я против насилия в любом виде, – презрительно ответил Нейк. – Даже то, что ты называеш-ш-шь охотой и в чем считаеш-ш-шь твое призвание, мне противно. Я слишком хорошо знаю, к чему приводит желание решить проблемы применением силы.

Я нахмурилась и снова замолчала. Слишком ярко в моей голове возник облик умирающей антилопы.

Солнце поднялось выше. Обитатели нор, гонимые повседневными делами, покинули свои убежища. Теперь они делали вид, что совсем меня не замечают. Проходя мимо, они не удостоивали меня даже взглядом, приветливо здороваясь и перебрасываясь парой фраз с Нейком. Пару раз мимо нас прошла Ррел. Но даже она не взглянула в мою сторону, хотя ей явно хотелось.

Я же, не стесняясь, рассматривала обитателей общины. Их повседневная жизнь сильно отличалась от нашей. Львы по большей части в дневное время вообще ничего не делали, предпочитая прятаться от солнечных лучей под жидкой тенью акаций, спать или лениво болтать с родными и друзьями. Здесь же все чем-то занимались.

Мужчина из норы справа от меня снял со входа старые коричневые листья и уже некоторое время пытался приладить на их место свежие зеленые. Получалось не очень хорошо, тяжелые листья постоянно падали и не желали висеть в неподходящем для них месте. Дело пошло лучше только когда его сосед пришел на помощь. Вместе им, наконец, удалось упротить первый из листов встать на предназначенное ему место.

Я отвернулась, в поисках нового объекта для наблюдений. Им оказалась немолодая женщина слева. Вооружившись такой же палкой, какой Фее убирала разбросанные мною фрукты, она, по всей видимости, очищала лужайку перед входом в нору от занесенных за ночь мелких листочков. Не знаю, чем ей помешали листочки, но она продолжала свое бесполезное занятие до тех пор, пока последний из непрошенных гостей не был изгнан.

Мой взгляд перехватила ватага ребятшек, носящихся друг за другом по тропинкам между нор. С виду обычные дети, да и развлекаются, так же как и львяты в моем прайде. Вот только веселились они в человеческом обличии. Но и это еще не все, у каждого на голове был какой-то предмет, покрывающий всю макушку и не дающий солнечным лучам падать на их маленькие личики.

– Что это? – поинтересовалась я у Нейка. – У детей на голове.

– Панамки, – нехотя ответил он. – Чтобы солнце слиш-ш-шком не нагрело. Иначе голова заболит или малыши могут в обморок упасть. Потерять сознание, зас-с-нуть, – пояснил он, видя мое непонимание.

Я снова удивленно посмотрела на ребятню. У нас никто не боялся солнца, хотя если подумать в особо жаркие сезоны самые слабые особи могли иногда засыпать прямо посередине дня и так же резко просыпаться. Мы не считали это опасным. Здесь же подобных вещей боялись.

– Необычно. У нас до такого не додумались. Вам подсказали боги?

Нейк помолчал некоторое время, а потом словно нехотя ответил.

– Нет. Это придумал Аар.

– А как вы додумались есть фрукты? Вы же хищники. Мы даже в самые тяжелые времена к ним не притрагивались. А они оказывается вкусные.

Я мило улыбнулась.

– Нам подсказал Аар, – холодно через силу ответил Нейк.

– А все эти предметы из листьев и веток? – Я чувствовала себя маленьким львенком, которому большой мир снова преподносит сюрпризы и чудеса. – Откуда они?

– Все! Хватит! – Нейк же наоборот потерял самообладание. – Я не собираю-с-сь с тобой говорить.

И снова молчание. Ноги начинали затекать, захотелось пить. К середине дня начало ощутимо припекать солнце. Даже я бы сейчас не отказалась от панамки.

– Брось, Нейк, – не выдержала я. – В чем проблема рассказать мне то, что и так знает вся твоя деревня? И скорее всего все в округе!

– Ты мне не поверишь, – быстро и абсолютно не шипя ответил Нейк. – Будешь обвинять во лжи. Вернешься в прайд и расскажешь Леене, чтобы была здесь. Что узнала о Дайне и Ааре.

Леена придет в бешенство. Соберет хищников и придет сюда. И начнется то, что я называю бессмысленным насилием.

Я начала качать головой, собираясь опровергнуть его слова, но Нейк не дал мне договорить.

– Я не предполагаю. Я знаю. Твоя мать уже так поступала в прош-ш-шлом. Из-за этого часть наш-ш-ших жилищ пустует.

Я снова посмотрела на холм и на прогнившие листья. Теперь пустота этих нор заставила меня содрогнуться.

– Не верю, – резко сказала я.

– Твое право. Можеш-ш-шь спросить у своей старейш-ш-шины. И уже она, а не я, будет решать, отвечать тебе или нет. Зато она узнает, что я не стал рассказывать тебе о наш-ш-ших лидерах, о наш-ш-шем укладе. И мне это зачтется.

Я упрямо отвернулась. Солнце продолжало палить и сильно хотелось пить, но двигаться с места я не собиралась. От нечего делать я начала водить по песку, валявшейся неподалеку палочкой, размышляя над ситуацией. Так, по крупицам, вытаскивая информацию из Нейка я могла бы еще несколько лун и все равно не узнать то, что мне было интересно. Похоже, этот змей был еще тем крепким орешком. Возможно стоило поступить умнее. Правда, как именно в нагретую солнцем голову пока не приходило.

Нейк наблюдал за моими движениями.

– Зачем тебе вс-с-се это? – Чуть более дружелюбно спросил он. – Ни к чему хорошему твое любопытство не приведет. Ну, узнаеш-ш-шь ты откуда у нас панамки, что ты будеш-ш-шь делать со знанием? Поможет оно тебе стать достойной львицей? Нет. Так зачем бросать на себя тень общ-щ-щением с такими, как мы?

– Меня интересуют Дайна и Аар, и почему вы называете их моими родителями.

Нейк покачал головой.

– Ты не старейшина, Нейк, – возмутилась я. – Откуда у тебя право решать? Я хочу поговорить с Нуко.

– Нуко болен и с-с-слаб. Он почти не выходит из своей пещеры. Я здесь главный.

Я недоверчиво хмыкнула, но промолчала. Пора заканчивать разговор. Похоже, мне нужен вовсе не Нейк в качестве собеседника. Осталось только дожидаться повода для ухода. Но Нейк молчал. Я тоже молчала, водя палочкой по песку. К своему удивлению переплетение линий складывалось в портрет Нейка. Такой же угловатый, как оригинал.

Солнце уже начало клониться к закату, а мы все сидели на главной тропе холма. Неожиданно к нам подошла Фее и вручила по сплетению листьев, наполненных водой и по горсти сушеных фруктов. Я подняла к ней полный благодарности взгляд и молча набросилась на еду и питье. Все-таки мама Ррел отличная женщина, лучше, чем я о ней думала.

Нейк же не принял угощения и пристально смотрел, как я ем.

– Вс-с-се матери одинаковы, – наконец, сказал он. – Не могут с-с-смотреть как ребенок, свой или чужой, голодает.

Я продолжала жевать, не отвечая.

– А вот Леена сейчас-с-с, наверное, изводится. Не знает где ты, с-с-с кем, все ли с-с-с тобой в порядке...

Было совершенно прозрачно, к чему он клонит, и меня действительно кольнула совесть. Я отсутствовала в прайде уже две ночи и страшно представить, какую взбучку устроит мне мама, когда я вернусь. Но совесть быстро отошла на второй план, уступив место упрямству. Ведь это был отличный повод наконец-то «уйти» из деревни.

– Твоя взяла, – нехотя произнесла я, дожевывая что-то белое, теплое и безумно вкусное. – Ты прав, Леена меня убьет. Так и быть, сейчас я уйду, но это не значит, что я не вернусь.

Нейк даже не стал скрывать облегченного вздоха.

– Поверь мне, не вернеш-ш-шься. Леена не допустит. Но это и к лучшему. Доедай и пош-ш-шли, – сказал он и подошел ко мне. Взгляд его упал на портрет. – Неплохо получилось, – усмехнулся он.

Я чуть не поперхнулась и подняла на него глаза. Похвала Нейка для меня ничего не значила, даже раздражала. Что значит «неплохо»? Где он видел подобные картинки, чтобы сравнивать? Я уже собиралась высказать свои мысли вслух, как Нейк неожиданно встал, забрал у меня палочку и начал водить ей по рисунку.

– Эй! – Возмутилась я, но Нейк не обратил на меня внимания. Вместо этого он уверенно добавлял штрихи к своему портрету: то тут, то там проводил линию, где-то едва уловимую, а где-то настолько глубокую, что из коричневой она превращалась в черную. И на моих глазах портрет словно ожил. Никогда мне не удавалось рисовать таких сложных и правдоподобных картинок.

– Вот, – наконец, произнес Нейк. – Так лучше. Тебе ещ-щ-ще потренироваться бы несколько с-с-сезонов и тогда из тебя, возможно, выйдет толк.

Я смотрела на него, открыв рот и не зная, что сказать. Мне всегда казалось, что я одна такая, что только я умею так рисовать и вообще первая, кто придумал это занятие. Оказывается, я ошибалась.

– Но..., – выдавила я из себя, пытаюсь преодолеть изумление, смешанное с возмущением. – Кто тебя научил? Откуда ты умеешь рисовать?

– Аар, – нехотя ответил Нейк. – И тебя тоже. Так что с-с-старайся особо никому картинку не показывать. Ничем хорошим это не заканчивается. Пош-ш-шли.

Простились мы на небольшой поляне недалеко от холма, на котором обитала община. Точнее, как простились, я пошла дальше, не говоря ни слова, а Нейк повернул обратно к холму. Настроение у меня было отвратительное. Из-за упрямства какого-то напыщенного павлина я так и не узнала того, ради чего пришла в эту богами забытую местность. А детская обида, что он рисовал лучше меня, добавляла хвороста в огонь моего возмущения.

Шла я долго, срывая злость на растениях, повинных лишь в том, что попались мне на пути. Дороги я не разбирала. Я шла и шла, про себя повторяя разнообразные ругательства в адрес жителей деревни. Сама не ожидала от себя такой витиеватой брани, но Нейк и компания их заслужили. Так поступить со мной! Со мной, кого все уважают и боятся! Кого все рады видеть в своей компании! Прогнали как маленького котенка!

Ну что же. Не хотят говорить, так я сама все узнаю. Знания – сила, как говорили древние. Я развернулась и только тут поняла, что ушла от деревни достаточно далеко. Вокруг темнели джунгли. Никаких просветов между обилием деревьев и кустов не наблюдалось. Как я вообще смогла сюда продрасться, оставалось загадкой. Впереди замаячила вероятность заблудиться в незнакомом месте. В растерянности я опустила глаза вниз и неожиданно наткнулась на решение моей проблемы. Причем решение это находилось в моих руках еще до того, как сама проблема появилась. В руках я держала небольшую веточку какого-то тропического растения, которую я со злостью сорвала, пробираясь сквозь заросли. И, насколько я могла припомнить, это была далеко не единственная веточка, которую постигла столь незавидная участь. Все-таки я была очень злой и раздраженной. Значит, путь можно найти по искалеченным мною растениям. Да простят они меня за такое обращение.

Внимательно осмотревшись, я отправилась в обратный путь. На этот раз, шла я намного дольше, поскольку периодически приходилось останавливаться и искать кусты со сломанными ветками или оборванными листьями. А это, скажу я вам, не такое простое дело. Особенно для того, кто привык охотиться только тогда, когда жертва находится в пределах видимости и ее не нужно выискивать по норам и зарослям.

Тем не менее, пусть и к совсем позднему вечеру, но я все-таки вышла к деревне. Теперь я могла рассмотреть ее подробнее без опасения попасться на глаза ее обитателям. Благо мое

путешествие от и к деревне сделало меня менее заметной для окружающих. Я не стала превращаться в львицу, а вторая кожа теперь покрылась грязью с прилипшими тут и там маленькими листочками. Я решила не счищать маскировку и отправилась в разведку вокруг холма, где находилась деревня.

Как я успела заметить ранее, холм был сравнительно небольшим, поэтому его осмотр занял не так уж много времени. Тем более, что наибольший интерес для меня представляла собой его западная сторона. Именно там находились все норы обитателей деревни. Другая, восточная сторона была сплошь покрыта всевозможными растениями. Казалось бы, что необычного, но кусты и травы росли в непонятном порядке, с дорожками между рядами. Такие ровные линии и четкость я видела только у Кубов. Складывалось ощущение, что все кустики и травинки выросли здесь не по собственной доброй воле, а кто-то этому поспособствовал. Вот только кто и зачем? И вообще как можно заставить растения делать что-то против их воли?

Ответы на вопросы явно не прятались на опушке леса. Поэтому я решила незаметно пробраться в деревню – непростая задача. Растительность на холме могла бы спрятать разве что суриката или некрупную белку. Тем не менее, даже издалека просматривалось несколько мест, подходящих для укрытия, и я решила рискнуть. Где на корточках, а где и ползком, я двинулась в сторону ближайшей норы.

Она находилась в самом начале главной тропы и превосходила размерам дом Ррел и Фее. Здесь, по всей видимости, обитала большая семья, либо семья больших животных. Интуиция меня не подвела и, едва я успела спрятаться в кустах, как из входа показался большой бурый медведь. Медведей в своей жизни я видела всего раз или два. В саванне они не водятся. Поэтому вид могучего животного меня заворожил.

Медведь медленно выбрался из норы, отряхнул шерсть, потянулся так, что даже кости затрещали, зевнул и внезапно застыл на месте с таким выражением на морде, словно его поймали на чем-то запрещенном. Причиной такого выражения оказался без сомнения голос, раздавшийся из норы:

– Бэр! И куда это ты собрался? – Голос был женским. И очень недовольным. Бэр обернулся и как-то совсем не по-медвежьки пробормотал.

– Пойду осмотрю местность, дорогая. – Теперь на виноватой морде читалась надежда на то, что неприятный разговор закончится быстро. Но из норы раздался угрожающий голос медведицы.

– И зачем, позволь узнать? И почему вдруг в облике медведя?

Бэр некоторое время переминался с лапы на лапу и входа в нору, а потом решился ответить:

– В мои обязанности входит охранять нашу деревню. В том числе от всяких чужаков.

– Уж не Налу ли ты имеешь в виду? – ворчливо спросила медведица, медведь только потупился в ответ. – Так вот послушай меня, Бэр. Чтобы ни говорили Нейк, я считаю, что он не имел права так поступать с девочкой и выгонять ее из деревни.

– Но Нейк..., – попытался вставить чуток своего мнения Бэр. У него не получилось. Голос из норы зазвучал еще громче, словно пытался долететь и до самого Нейка.

– ... ведет себя как надутый павлин, – заявила медведица. – А будь я на ее месте, так вообще всю душу бы из него вытрясла, показала бы, что на самом деле могут львицы.

Я полностью поддерживала ее мнение.

Тут к спорящим присоединился еще один восторженный юношеский голос.

– Мама, мама... Нала была тут? А она еще вернется?

– Нет, Орсо, – строго ответила медведица, – вряд ли. Дядя Нейк постарался сделать так, чтобы она никогда не вернулась. А твой папа ему помогает! – После этих слов послышались тяжелые шаги, удаляющиеся вглубь норы, и легкий топоток, следующий за ними.

Бэр недовольно покачал головой и, тяжело вздохнув, пошел прочь от пещеры. Долг и обязанности перед общиной для него оказались важнее.

«Хорошо, что я успела пройти до того, как появилась охрана, – подумала я и пошла дальше. – Иначе так и пришлось бы любоваться на холм издалека».

Крадучись и прячась за каменными выступами, я стала подниматься вверх. Вокруг меня, то ближе, то дальше попадались норы. Их обитатели, кто в виде животных, кто в облике людей продолжали заниматься своими привычными делами.

Я остановилась и огляделась, думая в какую сторону мне идти дальше. Мое внимание привлек дым у вершины холма. Сначала белый, затем он начал темнеть и даже чернеть, взвиваясь далеко в небо. Я поморщилась. Причиной этого дыма мог быть только огонь. А огонь – самое страшное бедствие, которое может обрушиться на обитателей саванны.

За свою жизнь я только раз видела степной пожар, еще в детстве. Но зрелище навсегда осталось в моей памяти. Огромные оранжевые языки пламени, пожирающие все на своем пути, быстро передвигались по высушенной солнцем саванне. И еще дым. Черный дым, который превращал день в ночь и не давал дышать.

Нашему прайду тогда чудом удалось выжить. Леены с нами не оказалось, поскольку в те дни проходили очередные испытания Совершеннолетия. А мы с другими молодыми львами по собственной глупости или просто по стечению обстоятельств попали в ловушку. Пламя окружало нас со всех сторон. Деваться было некуда. И тут начался дождь. Дождей в это время года вообще не случается. А своевременный ливень оказался настолько силен, что в один миг потушил пламя.

И закончился он также неожиданно, как и начался. Мы так и стояли в окружении мокрого пепла и не понимали, как нам удалось спастись. С тех пор любой дым воспринимался мною и моими соплеменниками как угроза или предостережение.

Тот дым, который я видела сейчас, конечно ни в какое сравнение не шел с дымом из моего детства, но это был дым. И, значит, где-то горит огонь, а от огня лучше держаться подальше. Я уже собиралась так и поступить, но, бросив последний взгляд в сторону дыма, остановилась. Дым показался знакомым. Я напрягла память и поняла, что действительно видела его. И не раз. Этот дым периодически появлялся на горизонте, когда я с Лееной сидела на большом валуне, рядом с поляной, где жил прайд.

Значит, его причиной оказались обитатели деревни. Видимо он не приносил им никакого вреда, раз деревня до сих пор стояла на холме, а не лежала в руинах и пепле.

И тут, словно пытаясь опровергнуть мои мысли, сверху раздались крики и птичий щебет. – Бивер! Опять ты за свое, сколько можно говорить! – Я поспешила в сторону этих криков. В конце концов, ничто так не раскрывает суть отношений в прайде, как хорошая ссора.

Пробравшись сквозь кустарник, я вышла практически на вершину холма, где стояло низенькое, но раскидистое дерево неизвестного мне вида. Здесь разыгрывалось весьма забавное зрелище. Рядом с одной из нор горел огонь. Причем горел необычно: языки пламени, окруженные небольшими камнями, лизали старые ветки и даже не пытались ускользнуть за пределы круга. Никогда в жизни не видела ручного огня. Единственное, что портило картину – это плотный дым, поднимающийся высоко вверх. Тем не менее, меня зрелище завораживало, а вот некоторых, судя по всему, раздражало.

Вокруг огня бегал, смешно подпрыгивая, невысокий взъерошенный мужчина, и размахивал руками, словно пытаясь таким образом его потушить. А крупный бобр, ловко маневрируя, не подпускал мужчину к огню.

– Моя нора – имею полное право делать, что хочу. Отстань, Роу! – кричал он на мужчину и отпихивал того от огня то лапами, то внушительных размеров хвостом. Мужчина в ответ кое-как уворачивался, подпрыгивая из стороны в сторону.

В нем определенно угадывался представитель семейства пернатых, ворон, скорее всего, судя по имени.

– Да делай ты, что хочешь в своей норе, – наседали на него. – Но не снаружи! Ты же видишь, дым идет к нам. Пиаф и Пьерро снова кашляют. – С этими словами мужчина показывал куда-то в сторону дерева. Подняв глаза, я поняла, что несколько ошиблась с его видовой принадлежностью. Передо мной стоял, а точнее бегал, глава семейства воробьев, обитавших на деревне. И его гнев можно было вполне понять. Приглядевшись получше, сквозь густую листву и не менее густой дым, я разглядела большую ветку, на которой сидели три воробья и их мать. «Странно, что они живут не в норе», – подумала я, но тут же одернула себя. Птицам жить в норе – все равно что бобру поселиться в дупле. «Хоть кто-то здесь ведет себя более или менее привычно», – решила я и тут же прониклась симпатией к главе этого семейства. И одновременно неприязнью к бобру.

– Можешь пока отпустить их полетать, – заявил в ответ Бивер и, скрестив на груди лапы, уселся на собственный хвост. Таким образом, он видимо пытался показать свою непоколебимость.

– Бивер, я этого так не оставлю, – погрозил ему Роу своим небольшим кулачком. – Второй раз за десять дней! Я пойду к Нейку...

– Не надо ко мне ходить. Я и сам здесь. Что случилось-с-сь? – раздался за моей спиной неприятно знакомый голос.

– Нейк, разве ты не видишь? – кинулся Роу к пришедшему, показывая то на огонь, то на дерево, объятые дымом. – Он снова взялся за старое! Снова что-то поджигает!

– Не что-то, а сжигаю старые лианы и листья из норы, – пробурчал, словно в оправдание, Бивер. По нему было видно, что Нейка он побаивается.

– О, Боги! – схватился за голову Роу. – Их же просто можно было выбросить!

Но Бивер упорно стоял на своем.

– Аар говорил, что мы должны учиться использовать огонь, – произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь. Ответил ему Нейк, от которого я ждала хоть какой-то реплики. Пусть моя неприязнь к змею и не собиралась проходить, но его манера держаться уверенно, даже ничего не говоря, вызывала уважение.

– Да, Аар это говорил, – медленно произнес Нейк. Почему-то шипение мне слышалось даже во фразе, где нет шипящих звуков. – Но говорил именно учиться. И делать это так, чтобы не причинять бес-с-спокойства своим соплеменникам. – От слов змея бобр опустил голову, не меняя недовольного выражения морды. – Кроме того, Бивер, – так же тихо и спокойно продолжил Нейк, – от твоего костра опять идет сильный дым, который может привлечь-ч-чь к нам лишнее внимание. Я прошу тебя его потушить. И если появится желание снова поучиться обращаться с огнем, я надеюсь, ты будешь делать это с-с-с меньшим количеством мокрых листьев. Или попроси Фее тебя науч-ч-чить. Ей уже удастс-с-ся печь прекрас-с-ный хлеб последнее время. – С этими словами и, не дожидаясь ответа Бивера, Нейк развернулся и пошел прочь.

Я посмотрела на Бивера и Роу: первый молча бил по огню, а точнее уже по его остаткам, хвостом, второй, так же молча, превратился в воробья и поднялся на ветку к семье. Здесь больше ничего интересного не намечалось, и я решила проследовать за Нейком. Тот, перейдя главную тропу, двинулся в сторону норы Ррел и Фее. Я уже засомневалась, стоит ли мне идти следом, если Нейк собрался в гости к белкам, но тут, к моему облегчению, он остановился, не дойдя до их норы совсем немного. Точнее, он остановился у входа в соседнюю нору, которая, по всей видимости, принадлежала ему.

Эта нора поражала своими размерами. Она была настолько большой, что в ней запросто могли поместиться все жители деревни. Неужели у него такая большая семья? Меня даже передернуло, когда я представила столько змей в одном месте. Однако, приблизившись к норе, я решила, что первое пришедшее мне объяснение, скорее всего, ошибочно. Рядом с норой

не наблюдалось никаких признаков многочисленного семейства. Конечно, в пыли отпечатались следы, много следов зверей, входивших и выходящих из норы, но не осталось следов от маленьких змеиных тел или ловких ножек.

Пока я рассматривала местность, кто-то окликнул Нейка. Тот остановился на пороге и обернулся. Я обернулась следом. От соседней норы приближалась Фее. При солнечном свете она выглядела моложе.

– Нейк, подожди, я хочу с тобой поговорить, – сказала она.

В ответ Нейк неожиданно спросил:

– Что ты о ней думаешь-ш-шь, Фее?

– Что? О чем ты? – Не поняла Фее. Но затем, взглянув в раскосые глаза Нейка, она покачала головой и с неохотой произнесла. – А-а. Нала, верно?

Я напрягла слух. Разговор обещал стать интересным. Оказывается, я была ему интересна в той же мере, как и он мне. Если не больше.

– Не знаю, Нейк. Я помню ее совсем маленькой. Тогда она выглядела очаровательным ребенком, такая любознательная и...

Нейк отмахнулся. Он явно хотел поговорить не о моей любознательности.

– Ну, любознательность осталас-с-сь при ней. Иначе бы она сюда не приш-ш-шла. Мне интересно твое мнение о взрослой Нале. Тебе единственной удалось с ней пообщаться, не считая Ррел.

– Это сложно, Нейк. – произнесла Фее и уселась на большое бревно у входа в нору. Нейк сел рядом. Почему-то мне показалось, что посиделки и душевные беседы были для них привычным делом. И не потому, что они соседи. – Я не ожидала ее увидеть. Думаю, любой бы на моем месте растерялся. Я даже не знала, что сказать, когда поняла, кто передо мной.

Нейка подобный ответ не устраивал.

– Я понимаю, – мягко, но с нажимом, сказал он. – И все же?

– Послушай, – Фее повернулась к Нейку и посмотрела ему в глаза, – первой, да и второй, моей мыслью было: «Что же натворила Ррел и как нам теперь выбираться?» Я не особо приглядывалась к Нале. Стыдно признаться, я ее испугалась. И сразу как она уснула, решила позвать вас.

– Ну вот, а ты говоришь, что ничего не можешь с-с-сказать, – улыбнулся Нейк. Улыбка оказалась весьма неприятной. – Ты ее испугалас-с-сь.

– Нет, не так, Нейк. – Покачала головой Фее. – Я испугалась не ее, а ее появления. У нас все так хорошо сейчас. Мне очень не хочется, что бы все, что мы успели построить, снова разрушили.

– И ты думаешь, что Нала может это разруш-ш-шить? – Нейк еще внимательнее посмотрел на мать Ррел словно пытался прочесть ответ в ее мыслях, а не услышать в словах.

– Не знаю. Все может произойти, – ответила Фее. Ей определенно не нравилась тема беседы. – А сам-то ты, что думаешь о ее появлении?

Теперь настала очередь Нейка задуматься.

– Я обеспокоен, – честно признался он. – Я не имею ничего против Налы, впрочем, как и против любого другого с-с-существа, не принадлежащего нашей общине.

– Но и за свою ты ее тоже не считаешь? – уточнила Фее.

– Конечно, нет, – Нейку этот вопрос показался смешным и наивным. – Она была с-с-слишком маленькой, когда ее забрали львы. Она ничего не помнит о своих родителях. Мне даже кажется, что на нее еще в детстве специально одели и сразу сняли браслет, чтобы лиш-ш-шить памяти о прош-ш-шлой жизни.

– Ну что ты, Нейк! – возмутилась Фее. Я была полностью согласна с этим возмущением. Уже второй, или даже третий раз, считая наш разговор на тропе, мне захотелось дать Нейку

пощечину. – Пусть я не самая большая поклонница Леены, но я уверена, что она бы никогда на такое не пошла. Насильно лишать кого-то, тем более ребенка, памяти – это бесчеловечно...

– Она и не человек, Фее, она – львица, – заявил Нейк. – Ребенок, раз он попал к ней, тоже должен был вырасти настоящ-щ-щим хищ-щ-щником, царем зверей. И ей удалось, надо признать. А что касается воспоминаний, то и так мало кто помнит себя в таком юном возрасте. Так что ничего ос-с-собенного она не совершила, если вообще совершила.

Наступила пауза, во время которой мы с Фее переваривали сказанное Нейком. Переваривалось с трудом. Наконец, Фее нарушила молчание.

– Тогда нам стоило рассказать Нале правду о ее детстве и настоящих родителях, – сказала она и строго посмотрела на Нейка.

– Нет, – не менее строго ответил Нейк. На фоне этого «нет», я поняла, что прежде и с Фее, и с Бивером и Роу, Нейк разговаривал очень мягко и ласково. – Нуко считает, что она еще не готова. Я считаю, что она и не будет готова никогда. Ей не нужна наш-ш-ша правда. Ей достаточно с-с-своей. И я не могу ее винить за это. Так сложились обстоятельс-с-ства. И раз уж они так сложились, пусть таковыми и остаются. Будем надеяться, что Нала уш-ш-шла из нашей жизни навсегда...

То ли от такого тона, то ли от слов, Фее недовольно поджала губы и нахмурилась. Она не разделяла мнения Нейка, но и спорить с ним не собиралась. Она просто отвернулась от него, встала и пошла к своей норе.

Нейк посмотрел ей вслед, и тихо произнес:

– ...хотя я и не прочь был бы с-с-с ней как-нибудь на досуге немного поболтать. Она и мне показалась достаточно любознательной и смышленной девушкой. А ещ-щ-ще она неплохо рис-с-сует... – он тоже встал и вошел в нору, оставив меня одну. Наедине с хаосом в мыслях.

Следующие две ночи я провела в перебежках от одного куста к другому, от одной норы к соседней, подслушивая разговоры местных обитателей. Развлечение на любителя, надо сказать. Я хоть и умела прятаться, но заниматься этим сутки напролет было не очень приятно. Особенно когда нет времени на охоту и вся еда, которую мне удавалось достать, оказалась ворованной (меня уже начинало мутить от фруктов в свежем и в засушенном виде), а воду приходилось собирать с листьев после дождя.

Самое обидное, ничего особенно интересного мне узнать не удалось.

Да, поначалу все обсуждали мое появление в деревне. Но разговоры оказались просто сплетнями. Соплеменники Ррел вспоминали все, что они когда-либо слышали обо мне, но никто не говорил о моих так называемых родителях. Самой Ррел, кстати, я больше не видела. Я решила, что она отбывает наказание в виде домашнего ареста за свой проступок.

Зато вместо Ррел мне удалось понаблюдать за остальными обитателями деревни. Всего я насчитала тридцать шесть особей или двенадцать семей, если считать Нейка и Нуко, которые жили в одиночестве, за отдельные семьи. Компания была разношерстная: змеи, птицы, зайцы, росомахи, лани. Кстати, лани, жившие в общине – брат с сестрой (кажется, их звали Хинд и Доэ) – были племянниками Даины. Узнав это, я провела полдня рядом с их норой. Но не узнала ровным счетом ничего. Оказалось, что это не давало им никаких привилегий и вообще, как я поняла, они старались забыть о родстве с основательницей деревни. Словно пытались доказать, что сами могут добиться большего, чем родиться от сестры Даины.

Единственный, за кем мне так и не удалось понаблюдать, был Нуко. Таинственность, которая окружала старика, сначала заинтриговывала, а потом начала раздражать. Я нашла его нору, которая, кстати, ни в какое сравнение не шла с норой Нейка по размерам и выглядела одной из самых тесных в деревне, но ни разу не видела его входящим или выходящим из нее. Побродив еще немного по округе и не добившись никакого результата, я решила, что пора мне заканчивать изображать из себя ищейку, и возвратиться в прайд.

Уже практически спустившись с холма, я заметила, как в деревне началось какое-то оживление.

Глава 5. Рожденный ползать...

Вместо того, чтобы разойтись по своим норам и заняться домашними делами, здешние обитатели начали медленно стекаться в жилище Нейка. «Если они собираются устроить там общий сход, понятно, почему змеиная пещера настолько больше других домов», – подумалось мне.

Такое событие я никак не могла пропустить. Однако оставалась небольшая проблема – меня никто не приглашал, а пробраться внутрь незамеченной вряд ли получится.

Я внимательно осмотрелась. Как и во всех домах в поселении в этом было много отверстий, которые здесь назывались окнами. Часть из них было занавешено листьями, но часть оставались открытыми. Одно из таких окон располагалось рядом с густым кустом, который смог бы без труда спрятать в своих листьях хрупкую девушку.

Не теряя времени, я осторожно и тихо подкралась к дому. В такой чаще меня было не разглядеть, если не всматриваться специально, но кто станет тратить время на любование кустиками. Все спешили войти внутрь.

Осторожно заглядывая вовнутрь, я увидела несколько помещений – место для сна, склад корзин с продуктами, плоский пенёк с разложенной сверху едой. В самом большом зале уже толпились жители. Наблюдение затянулось. Но к закату я поняла, что предположение оказалось верным. В доме Нейка действительно собралась вся деревня, включая и Ррел с матерью, и Бэра с женой и двумя медвежатами, и самое многочисленное семейство Роу, и даже Нуко нарушил свое привычное уединение.

Наконец явился хозяин дома – самоуверенный тип! Он без лишних вступлений обратился к соплеменникам.

– Сегодня у нас несколько вопрос-с-сов на повестке дня. Первый: зас-с-суха все сильнее дает о себе знать. Река ещё полна, но вода в ней мутная и не слиш-ш-шжом полезная. Родники иссякают, становится все труднее добывать воду. Фэлкон предложил отправить на поиски новых источников нескольких добровольцев, я с ним согласен.

Все внимательно слушали Нейка. По-видимому, подобные собрания были привычным делом для обитателей деревни. У нас все проблемы решала Леена, редко у кого спрашивая совета. Но здесь, как я уже успела заметить, Нейк и Нуко, хотя и считались лидерами, принимали решения только с общего согласия.

По крайней мере, это касалось серьезных вопросов, затрагивавших интересы всех деревенских жителей. Интересно чем ещё удивит меня эта сомнительная компания? Нейк едва улыбнулся и продолжил:

– Второй вопрос-с-с более радостный. Как вы все знаете, Лепус и Верина собираются образовать новую семью и нам нужно выбрать подходящую нору.

А вот и новая странность. К разговорам о моих так называемых родителях я уже как-то успела привыкнуть. Все говорили о союзе лани и орла как о нормальной вещи, и я перестала внутренне ужасаться, но увидеть своими глазами, как заяц и росомаха сидят в обнимку (в облике людей, конечно), да и еще стеснительно улыбаются, глядя друг на друга влюбленными глазами – это уже слишком! А члены общины не только не запрещали подобные союзы, но и благоволили им.

Пока я думала о дикости местных нравов, Нейк перешел к третьему пункту своего перечня.

– И, наконец, третье, и пос-с-следнее на сегодня – Дибблер нашел новое растение, – полноватый мужчина у дальней стены согласно кивнул, – которое пригодно в пищу. Более того он считает, что мы сами сможем его выращивать. Поэтому необходимо обустроить дополни-

тельные грядки на огороде и назначить ответственного за посадку. Да, и еще с-с-с названием определиться, – закончив со списком, Нейк сел на стул, стоявший посреди комнаты.

– Итак, по порядку. Начнем с вопроса о воде...

Мне стало обидно, что изгнание пепельной львицы, дочери основателей поселения, не упомянули в списке срочных дел и значимых событий. Это несправедливо!!!

Оказалось, что такого же мнения придерживается и как минимум половина присутствующих в доме. Послышался возмущенный шепот. Все стали посматривать друг на друга, не решаясь открыто высказать свое несогласие с Нейком. Я ждала, что свое слово скажет Нуко. Сейчас он сидел недалеко от места моей засады, чуть поодаль от Нейка и других. Нуко выглядел не просто старым – древним, я никогда не встречала таких стариков. Белые длинные волосы спадали на плечи, испещренное морщинами безмятежное лицо ничего не выражало. Что-то необычное сквозило во всей его фигуре – то ли взгляд, направленный на противоположную стену (пусть сейчас я и не видела его лица, но не сомневалась, что он не смотрит ни на кого из собравшихся), то ли абсолютная неподвижность, которую не могло нарушить даже всеобщее оживления. Создавалось ощущение, что его не интересует происходящее. Нуко молчал.

Вперед вышел Бивер. Этого бобра я заметила пока бродила по деревне. Неприятный тип.

– Прости, Нейк, либо я не расслышал, либо ты забыл упомянуть про небольшой инцидент, произошедший несколько дней назад.

Перешептывание за спиной бобра стало более уверенным и громким. Я различала отдельные реплики типа «да-да» и «точно, а как же...?».

Нейк же оставался абсолютно невозмутимым и очень правдоподобно сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

– О чем ты говоришь? За последние несколько дней произош-ш-шло много всякого, но не можем же мы каждую хулиганскую выходку детеныш-ш-ша или свару соседок обсуждать на общем собрании.

Бобр не отступал. Он чувствовал поддержку со стороны других жителей и стал смелее.

– Я считаю, что посещение нашей деревни дочерью ее основателей и изгнание её прочь – это событие, которое требует обсуждения.

Послышался гул голосов «Согласен! Я тоже!». Громче всех возмущалась Ррел, за что тут же получила подзатыльник от Фее.

– И что здес-с-сь обсуждать? – Нейк определенно не собирался реагировать на провокацию. Вся его фигура излучала уверенность в собственной правоте. Сейчас я начала понимать, что выбрали его на роль лидера не только и не столько из-за его змеиной изворотливости и ума, а скорее за умение не терять спокойствия в любых ситуациях.

Неожиданно я подумала, что Нейк как лидер не так и плох. И по крайней мере спокойствию у него поучиться стоит. А вот Бивер, напротив, стал заводиться.

– Например, как после стольких лет она снова оказалась здесь? – угрожающе оскалился Бивер.

«Тоже мне вопрос, – подумала я. Ничего умнее не мог придумать. Я бы на твоём месте спросила бы не почему я здесь оказалась, а почему меня отсюда выгнали».

Нейк вопроса не оценил. Он по-змеиному настойчиво глянул в глаза бобру:

– Это случайнос-с-сть. Да именно случайность, что Нала забрела в наш-ш-ши места. Случайность, что встретила-с-сь с Ррел. С-с-случайность, – на этом слове он строго посмотрел на сразу съжившуюся белку, – что та привела ее к нам.

– А если боги подали знак? – Бивер тоже стоял на своем. Правильно, что он мне сразу не понравился. Никогда не любила тех, кто самые простые вещи пытался превратить в таинственные знаки богов. Как будто у богов больше нет важных дел, как рассыпать знаки по опавшей листве на земле или писать их на облаках в небе.

– Знак чего? – ехидно полюбопытствовал Нейк.

– Не знаю. И хочу найти истолкование! – Бивер потряс в воздухе своим огромным кулаком, словно наконец смог доказать какую-то непреложную истину.

Нейк сказал:

– Здесь нечего обсуждать. Случайный визит Налы такой же знак, как и твое появление в наш-ш-ших рядах. Ты ведь помниш-ш-шь, как появился у нас?

Голос лидера отбил бы желание спорить даже у меня, стой я сейчас под его тяжелым взглядом. Все-таки змеиные повадки были у Нейка очень хорошо развиты. Уверена, останься он среди себе подобных, то смог бы занять очень высокое положение. Рано или поздно он наверняка вошел бы в совет старейшин всех племен, наравне с моей матерью. Но он предпочел стать членом общины изгоев.

Бобр в ответ проявил незаурядную смелость, решившись продолжить разговор. Хотя может быть, причиной его смелости была глупость.

– А как насчет того, что ты... выгнал ее, не посоветовавшись ни с кем из нас. Пусть ты и лидер, но даже Нуко..., – на этих словах он запнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.